

ИРА
МОЛЧАНОВА

КВАНТОВЫЕ
БЕСТИИ

16+

Ирина Сергеевна Молчанова

Квантовые беглецы

«Автор»

2019

Молчанова И.

Квантовые беглецы / И. Молчанова — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10683-3

Цивилизация уничтожена Третьей Мировой войной. В мире уцелело только хранилище Кселон, куда заранее свозились предметы искусства и достижения науки. Человечество получает новое развитие. Ноннель Телли прожила большую часть жизни в эгалитарном обществе, нацеленном на развитие науки и образования. С появлением Геопланта началось утверждение господствующего класса. В Кселон вернулся Гордон Велианд и захватил власть. Прошло двадцать лет. В Кселон прибывает профессор Хардиан Астер и берется за подготовку квантового перехода.

ISBN 978-5-532-10683-3

© Молчанова И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	15
Глава 9	17
Глава 10	18
Глава 11	20
Глава 12	23
Глава 13	24
Глава 14	26
Глава 15	28
Глава 16	29
Глава 17	31
Глава 18	33
Глава 19	35
Глава 20	37
Глава 21	39
Глава 22	41
Глава 23	43
Глава 24	44
Глава 25	45
Глава 26	46
Глава 27	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ирина Сергеевна Молчанова

Квантовые беглецы

Предисловие

Роман представляет собой антиутопию и показывает, до какой черты может дойти общество в своем развитии, если не останавливать правление тех, кто прикрывается капиталом и озадачен исключительно его увеличением. В обществе, которое полностью отравлено политической могут уцелеть отдельные личности. Это не просто сильные индивидуумы. Это умные люди, чей интеллект не позволил им сломиться и начать деградировать. Правителям удобны те, кто мало думают. Им нужны те, кто подчиняются. Думающим людям нередко приходится покидать общество и находить для себя новое пристанище, где их личность не будет страдать.

Отдельное внимание сконцентрировано на фигуре пожилого человека. Общество вытесняет тех, кто уже не может быть полезен. Но внутри тех, кто прошел большую часть жизненного пути все также есть чувства, а тот, кто чувствует – живет.

И, конечно же, невозможно обойти вниманием ощущения отдельного человека, живущего в обществе. Имеет ли право человек думать не об общем, а о частном? Каково это сохранять персональность среди безликости? Есть ли право у человека не биться над спасением общества, а спасать себя? Эгоизм человека в обществе, приговоренном к моральному обнищанию, может выступить спасательным кругом. При условии не причинения вреда другим. Но даже самому умному человеку важно иметь единомышленников, ради которых есть смысл спасаться.

Роман посвящается моей маме Игнатовой Ларисе Николаевне, и я надеюсь, что он ей понравится.

Часть 1

Глава 1

Скрип возвращенной на прежнее место половицы заставил слух пожилой Ноннель обостриться. Ни один звук не должен был разрушить многолетний секрет женщины. В Кселоне не чествовали тайн. Особенно принадлежавших представителям нормалей. Усмешка проскользнула на лице, не утратившем под давлением лет привлекательности. Не той, что дает право женщине гордо расправлять плечи и считать количество оглянувшихся вслед мужчин. А привлекательности, сочетаемой с разумом. Убедившись, что половица вошла точь-в-точь пазы, Ноннель поднялась. Озираясь по сторонам, скорее по привычке, чем имея на то основание, женщина вернулась на кровать и со стоном прилегла: тело напоминало о возрасте, беспощадно усложнявшем использование то одной, то другой функции организма. Да и кровать, жесткая, как каменная глыба, долгие десятилетия отсекала от лежавшего на ней человека ощущение отдыха. Нормалям запрещалось получать лишние удовольствия в целях контроля за полезностью рабочего класса и экономии затрат. Даже природное удовольствие, причем дешевое и доступное, как сон регламентировалось нормами.

Лежа, как приговоренная к пытке, Ноннель не надеялась заснуть. Терзания за Этель входили в привычку, гнавшую сон. Внучка, получившая от образованной бабушки знания, на которые имелось привилегированное право у главенств и жителей верхнего города, рисковала погибнуть, как особа, проявившая черты свободолюбия и непокорства.

Ноннель начинала жалеть, что приучила Этель с малых лет думать. Надо всем, что происходит. Над каждой деталью. Подвергая анализу собственные шаги. Главенства предпримут попытку устранить выбивающуюся из толпы личность, рожденную в низшем слое общества. Среди нормалей Этель придется испытывать интеллектуальный голод и нежелание связываться с кем-нибудь из них теснейшим образом. Ноннель повезло иметь семью, а любимой внучке она подкинула ещё тот сюрприз. Вздохнув, словно от испытываемой боли, пожилая женщина поймала себя на мысли, что, переведя девушку на противоположную сторону невежества, отдала её на растерзание одиночеству. Зная нрав внучки, она могла не сомневаться, что одинокий путь под силу внешне хрупкой обладательнице стойких взглядов. Но она могла только строить догадки о судьбе, ожидавшей Этель. Желая не забегать далеко в будущее, Ноннель переключилась на куда более существенную опасность. Если главенства прознают о нарушении закона, Этель никто не пожалеет. Оставалось действовать аккуратно, чтобы не выдать то, что по сути из тайны превращалось в очевидное и в скором времени кто-нибудь из нормалей мог бы заявить о выявлении нарушителя. Запас времени до разоблачения позволял пожилой женщине обучить внучку премудрости, когда и как следует прикидываться глупышкой. Почувствовав себя спокойнее от принятого решения, она ощутила приближение дремы и не смогла отказаться от соблазна поспать. Хотя бы немного.

Глава 2

Волосы, не перестававшие пахнуть лавандой, символизировали о приближении женщины, по его милости ввергнутой в низы общества. Гордон чувствовал спиной, что она подошла на достаточное расстояние, чтобы начать беседу. Не оборачиваясь и, продолжая созерцать ствол столетнего дуба, он поприветствовал представительницу нормалей.

– Время не щадит людей сильнее, чем детей природы.

– Мы все дети природы, – не поддавшийся грузу пожилого возраста голос прозвенел на опушке леса.

– Ты все споришь. Такой и умрешь, – засмеялся Гордон, находя в себе силы повернуться лицом к единственной женщине, все ещё заставлявшей его нервничать. Уже не от любовной лихорадки. Скорее от памяти о той любви.

– Умру, не сомневайся, но впереди у меня имеется пара важных вопросов, и я намерена получить ответы.

Среднего роста не по возрастному изящная с длинными седыми волосами Ноннель выглядела на фоне не поникших пейзажей Кселона магическим образом. Простенькое платье, какое позволялось носить нормалям, выглядело достойно. Женщина украшала собой вещи и пространство.

– От меня ждешь ответов? – Гордон поморщился, прокручивая мысленно утомительный диалог о социальном угнетении некогда развитой цивилизации обособленцев, как привыкли в Геопланте считать жителей Кселона.

– Не обольщайся: наука и та не смогла справиться с мечтами о получении полнейшего представления о мире.

– Только тебе позволительно так со мной разговаривать. Но не могу найти ни одной причины почему, – Гордон сцепил за спиной руки. Ему не терпелось покинуть опушку и хотелось заставить пожилую женщину говорить понятными фразами, без ввернутого скрытого и давящего на нервы смысла.

– Правление пришлых уничтожило достижения культуры и знания кселонцев. В материальном эквиваленте произошедшее не дало тебе осязаемого приобретения. Зачем?

– Начнем с того, что знания кселонцев – это сохраненный опыт человечества, – Гордон поправил Ноннель, не желая оставлять ей повод для гордости.

– Согласна. Но именно кселонцы обеспечили хранение информации. И не забывали размножать накопленные человечеством знания.

– Ноннель, если бы ты вовремя вступила в должность советника, твоя семья переместилась бы жить в верхний город. Продолжали бы изучать свою науку и делились бы с пришлыми, как ты нас называешь, основами утонченной культуры кселонцев. Хотя какой я пришлый? Я также родился здесь. И, как и ты жил в этих местах.

– И в память о счастливом детстве решил уничтожить все? – она иронизировала, но без насмешки.

– Ошибаешься. И мне это уже действует на нервы. В Кселоне сосредоточен энергетический потенциал, и он нужен Геопланту.

– Ты вернулся сюда уничтожить вотчину предков.

– Чего ты так страдаешь за прошлое? Времена поменялись.

– Я часть Кселона, превращенного в нижний город. Той самой части, с которой началось новое развитие цивилизации.

– Ну, так поделилась бы знаниями. Стала бы жить в комфортных условиях.

– Я не оставляю Кселон. Он здесь – в нижнем городе. *Dulce et decorum est pro patria mori* (В переводе с латыни: отрадно и почетно умереть за отечество (Гораций)).

– Что? – Гордон давно не использовал латынь и стал забывать язык прадедов. Ноннель не стала переводить Гордону сказанного, а лишь улыбнулась.

– Выбор у тебя был. Выбрала то, что имеешь. Какие ко мне вопросы? – обидевшись на тонкое оскорбление, изрек Велианд.

– Когда покинешь Кселон?

– Я пока не отыскал источник энергии. И ты не хочешь помочь ускорить процесс.

– Ты себя слышишь?

– Где энергия? Откуда кселонцы качали энергию?

– Ищи, – улыбнулась Ноннель и постояв с полминуты глядя в самое нутро захватчика, повернулась, чтобы вернуться в наполненный трясущимися от страха нормальными нижний город.

– Не найду, уничтожу все, – кинул вслед хранильницы знаний Гордон.

– Не сможешь.

– Ты уверена, что моей власти не хватит сломить тебя? Возраст уже надломил. Мне осталось только завершить его дело.

– Боюсь, что мы с тобой оба надломлены до предела и ни одному из нас не устоять в борьбе.

– Меня есть, кому поддержать. Тебя – нет.

Бравировать перед заклятым врагом поддержкой дочери и зятя было не столько наивно, сколько небезопасно для последних. Ноннель пришлось смолчать. Не ускоряя шаг, пожилая женщина направилась к черте нижнего города, вырисовывавшейся на горизонте обветшалыми крышами одноэтажных зданий. Каждый раз возвращаясь домой, она чувствовала себя счастливой и в тоже время встревоженной: она не знала, когда его покинет навеки.

Глава 3

В крыло собственного дома, выделенное под секретариат, глава Сенатской Двадцатки вошел не в духе. Помощники, в функции которых вменялось большей частью быть услужливыми, чем полезными поспешили убратъся в сторону, освободив коридор для седовласого правителя. На ходу он кинул замешкавшемуся помощнику писаря, чтобы тот немедленно последовал за ним в зал для совещаний.

Расположившись в кресле, Гордон принялся диктовать текст нового указа.

– Запретить нормалям использование латыни. Общение на старокселонском должно быть сведено до минимума. То есть исключительно на территории дома. В общественных местах допустимо разговаривать только на новокселонском. С целью устранения угрозы государственного переворота обыскать дома нижнего города и изъять любые письменные носители знаний, будь то даже дневник. На любом языке. Произвести обыски в два этапа, между ними оставляя интервал в неделю. Дома нормалей, не владеющих новокселонским наречием помечать красной краской. Нормали, не прошедшие экзамен на знание государственного наречия обязаны выплатить штраф в размере квартального дохода и пройти обучение новокселонскому наречию.

– Верховный, разрешите уточнить? – подал голос помощник писаря.

– Слушаю.

– Нормали не образованны. Последние поколения, по крайней мере. Они же не знают букв, – засмеялся начинающий писарь.

– Старых практически не осталось. И неважно, сколько среди них носителей хоть каких-то знаний. Остальные будут на слух учить. Буквы им знать нет необходимости. Задачи нормалей обслуживать верхний город. В указе допиши, что Сенатская двадцатка делает одолжение нормалям в изучении новокселонского наречия, тем самым ставя их на одну ступень с гражданами верхнего города. Пускай обольщаются. Записал? Свободен.

Оставшись наедине с собственными мыслями, Гордон призвал образ Ноннель. Грациозность шлейфом следовала за ней, минуя годы. Даже пожилой она бы украсила его Сенатские палаты. Знания Кселона придавали Ноннель не только ценность, но и привлекательность. В глазах кселонки играла тайна, удерживаемая внутри мудростью и памятью. Гордон не имел представления, как извлечь из головы упрямой обособленки механизм добычи энергии. Верхний город истощал запасы электричества, собранного в хранилище. Ноннель была права: все, что могли, главенства выкачали из Кселона, но не из его земель. Гордон не оставит ставшим неграмотными нормалям ресурсы земли. Они им уже не понадобятся. Разве что Ноннель со своей семьей сумеет возродить фрагменты былого величия. Он готов был убить женщину со спрятанным внутри неё способом восстановления изувеченной страны.

Глава 4

Пряди пшеничного цвета падали на обветшалый от времени дощатый пол. Голубоглазая девушка стояла перед зеркалом, гладь которого покрылась черными пятнами, и безжалостно уничтожала длинные волосы. За этим занятием её и застала бабушка, вернувшаяся из леса, куда частенько отправлялась набраться природной энергии.

– Зачем? – голос Ноннель будто охрип от увиденного.

– Так уж лучше будет, чем редко мыть длиннющие волосы и выглядеть каждый день, как грязнуля или скручивать их в гулю, пряча под шапку, пропитанную запахом грязи.

– Бунтуешь.

– Ищу хоть какой-то выход из убожества, в котором живем. Я не могу понять, почему многочисленное количество людей терпит бредовые законы кучки захватчиков.

– Этель, на их стороне армия Геопланта.

– Почему Кселон не имел воинов, чтобы защититься?

– Наши законы гуманизма и морали не предполагают убийств и насилия. Любой воин должен пройти тренировки, применяя жестокость. Такие деструктивные чувства наносят урон включенной в пространство энергии. Кселон её накапливал, а не растрчивал.

– И что имеем?

Ноннель запнулась: она не имела чем парировать логичный выпад внучки.

– Что дальше будет с нами? – не унималась двадцатичетырехлетняя девушка, утратившая веру в возвращение прежнего социального уровня государства.

– Не буду врать – не знаю. Но одно могу сказать, что веру не стоит задавливать, – посоветовала седовласая женщина.

– Вот именно – никому ничего неизвестно о нашем будущем. Нашем. Не каком-то абстрактном. Бабушка, ты имела возможность жить не просто в комфорте, которого нас лишили пришлые, ты училась и развивалась. А что имеют сейчас кселонцы? Что?

Лицо Этель покраснелось и на фоне светлых волос выглядело ярким пятном.

– Учиться, моя дорогая, человек имеет право вне зависимости от обстоятельств.

– Да уж, особенно в нынешних условиях, когда уничтожены учебные заведения, а какая-либо литература доступна только главенствам. Причем наша литература, ученые труды кселонцев были изъяты в их библиотеку.

Ноннель отошла к окну, глуша в себе яростное сожаление, что посвятила внучку в детали исторического события, произошедшего задолго до рождения Этель.

– Ну что ты молчишь?

– Этель, любая истерика всего лишь сотрясает и без того беспокойное пространство. Разряды негатива, исходящие из тебя, производят волновые искажения и отражаемые энергией всеобщего жизнеобеспечения возвращаются тебе.

– Уверенна, что частички любого энергетического выплеска застревают среди частиц всеобщей энергии.

– И? К чему это приводит? – Ноннель не хотела видеть внучку с зажимами раздражения на красивом лице.

– Всеобщая энергия пространства дополняется новыми частицами и меняется, – протараторила Этель, словно отвечала на контрольные вопросы учителя.

– Дополняясь фрагментами гнева, энергия перестает быть поддерживающей равновесие и гармонию.

– Оказывается, я виновница происходящего абсурда? – вспылила Этель и швырнула на кровать, заправленную покрывалом из жесткой ткани, ножницы, которыми уничтожила роскошные локоны.

– Ты становишься сопричастна к созданию дисбаланса. В очень маленькой степени в сравнении с главенствами.

– А зачем мне поддерживать равновесие энергии? Для них? – Этель была удивлена желанием бабушки поддерживать гармонию для тех, кто уничтожил их право на достойную жизнь.

– В этом ты права: главенства пользуются нашим энергетическим пространством, возможно и не внося в него деструктивность, – Ноннель придавала своему голосу спокойный тон, стремясь успокоить внучку.

– Пускай травятся моими частицами посланного им гнева. Я не знаю, как бороться с теми, кто создает античеловечные законы. По крайней мере, хуже смириться с властью главенств, уничтожающих в кселонцах умственный потенциал. Мы уверенно превращаемся в бездумных слуг.

Этель ждала от бабушки согласия. Пожилая женщина удерживала себя в состоянии относительного спокойствия и продолжала беседу в прежнем ровном тоне.

– Пока есть хоть один носитель знаний среди народа, есть шанс на перемены.

– Один... Бабушка, вдумайся – один человек против главенств и толпы неучей.

Этель выпустила из себя чувство горечи и бессилия, схожее на рычание загнанного в ловушку зверька. Не дожидаясь ответа бабушки, мнением которой она дорожила, девушка вышла из скромного домишки на пропахшую летним ароматом улицу. Вглядываясь в лица нормалей, она ужаснулась искажающей физиономии простоте. Ни проблеска личностного отличия друг от друга. Просто нормали. Просто исполнители. От убогости хотелось бежать. Она знала куда. Но лишь на короткий промежуток времени. Украденный у жизни, искореженный законами. Но зато этот кусок личного времени она наполнит касанием удовольствия.

Глава 5

Достраиваемый двенадцатый этаж главного дома верхнего города поражал величием. Не здания. Тех, кто в нем жил. Семейство Велиандов не было многочисленным. Гордон любил совершать прогулки, но не по улице, а среди идеальных стен искусственного, что самое главное, персонального мира. Тяготившись присутствием людей, пускай и близких, он готов был достраивать новые этажи, чтобы выхватить кусок пространства без чужих следов.

Темиан спешил к отцу, чтобы выразить восхищение растущим домом. Гордон видя копию своей молодости, готов был впечатать сына в стену, чтобы не позволить ему наполнить пространство голосовым эффектом.

– Ты когда-нибудь опоздаешь с поздравлениями?

– Отец, я не хотел причинить тебе беспокойство, – Темиан стушевался.

– Мог бы уже выучить хотя бы немного привычки тех, кто тебя окружает. Тебе будет полезно уметь понимать молчащих людей только лишь по их взгляду и движениям. Вместо этого, ты спешишь со словами. Они тебя подведут. Это твой выбор. Но ты рискуешь государством, созданным мной.

– Я буду учиться. Никогда не поздно.

– Не повторяй банальности. Каждое знание имеет свой срок и получено должно быть своевременно, когда же оно опаздывает, это называется выводом. А выводы делают из свершившегося. Ты меня уничтожишь.

Гордон прошел мимо сына, давая понять, что разговор завершен. Темиан был вынужден брести к лифту, чтобы спуститься на свой восьмой этаж. Проезжая один за другим этажи каменного дома, парень испытывал сожаление о том, что родился у высокопоставленного лица. Нахождение в доме, будто бы ему не принадлежавшем, с каждым днем превращалось в бессмыслицу. Темиан понимал, что раздражает отца, только причину отыскать не мог. Из него не получился циничный в требуемой мере претендент на управление государством. По сути, и государство, как таковое представлялось полнейшим абсурдом. Так ему казалось. Несмотря на то, что он был сыном верховного, его не спешили посвящать в тонкости политической жизни. Досадное ощущение беспомощности внутри Темиана вызывал не только конфликт с отцом. Давящее переживание формировало в большей мере незнание того, чем ему хотелось заняться, а возраст определения настал. Предчувствуя приближение участи голодающего и бездомного художника на улицах Геопланта, Темиан забеспокоился. Способ, что позволит ему избежать нищенской доли, придется подыскать, и как можно быстрее.

Глава 6

Кристалльная вода реки жестко касалась нежной кожи. Короткие волосы девушки не поддавались ласке теплого ветра. Зажмурив глаза, она силилась удержать себя в ледящей воде и погрузиться целиком в стихию, умиротворяющую эмоции. Энергия пространства имела значение для Этель. Помня уроки бабушки, она не стала забывать, что обязана залатать прорехи в стройном ряду энергетических зарядов, вытесняя из них созданные лично метки гнева. Но прежде, чем приступить к вмешательству в энергетический поток следовало усмирить вихрь внутри себя. Телу следовало вернуть состояние равновесия. И лучшим решением этой задачи она избрала погружение в реку. Этель мужественно окунулась несколько раз в ледяную воду, чтобы вся кожа адаптировалась к её температуре и расположилась на поверхности, как дрейфующий корабль. Под управлением одинокого капитана. И этому мизантропу не было известно дальнейшее направление. Приходилось выжидать. Качаться на нестабильной глади воды, подстраиваясь под её балансирование. Внутри обнаженной девушки от ног до макушки стали проскакивать стрелы. Прохлада не щадила нежность женской кожи. Под поясницей почувствовалось давление воды, достаточное, чтобы приподняться над поверхностью. Запрокинув голову назад, она пожалела, что срезала волосы, которые сейчас бы эстетично выплясывали в воде хаотичные танцы. В нижних позвонках ощущалось покалывание. Оно стало распределяться по телу во всех направлениях. Подпитка энергией не дала сбой из-за выпущенного ею гнева. Силясь не пускать в сознание картины события, записанного в категорию прошлого, она отправилась в фантазию.

Тот, кто придавал ей моральных сил, был высоким и сильным. Цвет его волос оставался неопределенным, но как ей казалось, мог быть черным, а вот серые глаза обладали невероятной прозрачностью. Они врывались внутрь. В ней они застряли. Как и весь его облик. Этель захотелось, чтобы он прибыл к берегу реки. Не дожидаясь пока она завершит смывание негатива и войдет в воду. Аккуратно приблизится к её фигуре, виднеющейся над поверхностью воды. Тихо, чтобы не спугнуть, и получив временной запас наблюдать за наслаждающейся гармонией девушкой. А затем сильной рукой подхватив под талию и вырвав из воды, приблизит её к себе и медля с поцелуем скользнет серыми глазами по коже, покрывающейся пупырышками от соприкосновения с воздухом и мужским взглядом. Потом настал бы тот самый момент, который она – девственница ждала с особым трепетом. Но только с ним. С незнакомцем из грез.

Пока он блуждал в закоулках её замученного девичеством сознания, она погрузилась под воду, пуская внутрь пылающего от возбуждения тела прохладу. Той было доверено прогнать мечту, раздражающую нервы. Кроме его образа.

Глава 7

Жара рвала на части его одежду, сиюсь облепить кожу. Хардиан пожалел, что взял в аренду машину с откидным верхом. Солнечные лучи становились необоснованно жестокими к одинокому путнику в пустыне, отделявшей околицы Геопланта от Кселона. Сверяясь по координатам, введенным в навигатор, Хардиан был спокоен, что следует верным направлением. Он ожидал, что дорога займет два дня, но ошибся. Его расчеты оказались неточными, так как базировались всего лишь на чужих воспоминаниях. Он привык доверять себе, этот же случай оказался нетипичным – информации не хватило. Это было закономерно, прошло много лет с того дня, когда родители покинули родные места и подались в лоно техногенной цивилизации.

Проживание в Геопланте не утомляло, пока его не постигла потеря. Теперь вызывало напряжение буквально все, что ранее воспринималось нормой: снующие всюду геоплантовцы, скопление техники, издающей шум, типичные с виду люди, лишённые индивидуальности. Игнорирование ценности человеческой жизни в сочетании с пережитой утратой окрасило восприятие бытия в бесцветные краски. Для Хардиана не было открытием то, что он стал ярче ощущать.

Политика Геопланта не учитывала интересов всех категорий граждан. Приоритетом пользовались высокопоставленные персоны и их близкие. Разве что для ученых делалось исключение, и обусловлено оно было зависимостью владельцев денег от знаний. Жесткая политика оказалась удушающей даже для отдельных представителей высшего слоя. Велианды сбегали из Геопланта. Мало кто сомневался, что влиятельное семейство вернулось в Кселон. По сути больше и некуда было отправляться: во всем мире было два островка цивилизации. Члены правления мега-города сочли отбытие Велиандов потребностью в поиске дополнительных энергетических источников. Настало время и Хардиану последовать примеру Велиандов, хотя он никогда не брал за основу своих поступков чужие деяния. Он оставил космополитический город после смерти матери. Технологичность современности не позволяла успокоить душу. Он жаждал перемен.

В институте восприняли порыв сотрудника с пониманием, и Хардиану был предоставлен бессрочный отпуск, как человеку, осуществившему вклад в науку.

Кселон величественно выныривал над песчаным горизонтом. Сердце Хардиана застучало сильнее. Он не поразился нахлынувшей эмоциональности: не смотря на мужественный внешний вид, внутри он был весьма сентиментальным. Мать частенько сетовала на восприимчивость сына, забавно контрастировавшую с его брутальным внешним видом. Она опасалась, что без изрядной дозы равнодушия ему станет душно в Геопланте. И она не ошиблась.

Хардиан заглушил мотор, чтобы передохнуть и немного привести себя в порядок. Платок, покрытый песчаной пылью, закрывавший лицо был сдернут и отправлен в карман брюк. Аромат незнакомого города будто бы доносился до него порывами ветра. Понимая, что это всего лишь игра воображения, он усмехнулся. Решив оставить машину за пределами города, он вышел и отправился навстречу казавшейся ему известности.

Глава 8

Из покосившихся дверных проемов низеньких лачуг на землю вылетали книги. Обитатели непрезентабельного жилья стояли на улице. Никто не попытался опротестовать происходящее и напомнить о праве собственности и неприкосновенности имущества. Ноннель прихотилось удерживать Этель, сжимая её ладонь едва ли не до боли.

– Латынь. Кому взбрело в голову учить ненужный язык, – орал обладатель лица, перекошенного от ярости.

– Капитан, разрешите доложить, – обратился к нему солдат.

– Давай уже, быстрее изъясняйся, – рывкнул Гериот, отпихивая ногой распластавшуюся на земле книгу с афоризмами на латинском языке.

– В доме Телли найдена запрещенная литература.

– Кто это такие? – бушевавший Гериот сделал недоуменный вид.

Ноннель вышла вперед, не дожидаясь пока солдат начнет тыкать дрожащим пальцем в сторону её семьи.

– А что это среди нормалей делает пожилой человек?

Брови Гериота взлетели вверх от удивления, ведь в Кселоне согласно законодательных норм, поданных Советом Геопланта содержать среди членов общества социальных паразитов могли позволить только обеспеченным персонам. Людей, достигших преклонного возраста отправляли в специализированное учреждение для проведения биологических исследований.

– Проживаю со своей семьей, – спокойно ответила Ноннель.

– Какая от вас польза? – Гериот искренне не понимал, что может дать старый человек близким, если он не работает.

– Она нужна просто так, – ответила за бабушку Этель, – потому, что её есть кому любить.

– Ты как посмела ко мне обратиться? – Гериот полыхал гневом.

– А что собственно в этом запрещенного? Не на латыни поди обратилась, – засмеялась Этель, стреляя глазами в сторону врага.

Ноннель покачала головой, предчувствуя начало серьезных проблем. Женщина попыталась встрять в конфликт, созданный внучкой, но было поздно, та вошла в раж.

– Ты будешь арестована, – заорал капитан личной армии Велиандов.

– И что с того? Ну, побуду в роли, как ты там назвал пожилых людей, социальным паразитом, работать же не смогу в камере, – Этель звонко засмеялась, – *Audaces fortuna juvat* (В переводе с латыни: Смелым судьба помогает (Вергилий)).

– Тебе следует бояться...

– Чего? – перебила Гериота девушка, с короткими волосами, не покрытыми головным убором, как того требовали правила поведения и внешнего вида, рекомендованные Сенатской Двадцаткой.

– Штраф. На Телли наложить штраф, – орал Гериот, – а эту в тюрьму.

Солдат, старавшийся выслужиться всеми фибрами души, бросился хватать не сопротивлявшуюся Этель, чтобы улажить капитана рвением в исполнении приказа.

– Бабушка, не волнуйся, это мелкое недоразумение я как-нибудь переживу. Прости, что финансово из-за меня пострадали.

– Этель, милая не дерзи этим существам. Потерпи, я прошу тебя, – Ноннель успела прошептать наставления внучке на ухо, обнимая её перед разлукой.

Солдат уводил Этель, продолжавшую смеяться, словно назло Гериоту, смотревшему вслед обладательнице соблазнительной фигуры. В его прожженной цинизмом голове рисовались картины того, что он не смел бы позволить себе, даже учитывая положение при Велианде. Верховный обязывал служащих соблюдать правила, контролирующие нормы этики и морали.

Сплюнув от досады, он отдал приказ ещё одному молоденькому солдату продолжить обыски в других лачугах.

Ноннель застыла как вкопанная. Она боялась встречи Гордона с её внучкой. При виде девушки тому не составит труда догадаться о тайне её происхождения.

Глава 9

Стены обдавали холодом, что в условиях аномальной жары воспринималось скорее, как дополнительный архитектурный плюс, но его знобило. Он поймал себя на мысли, что и стены дома его ненавидят под стать их владельцу. Развешенные повсюду изображения супругов Велиандов заставили побыстрее добраться до собственной комнаты и скрыться за дверьми, в которые никто из семьи долгие годы не стучал. От осознания собственной ненужности внутри парня не возникало огорчения и боли, как раньше. Он не просто смирился, а научился радоваться тому, что превратился в отрезанный ломоть. Разве что будущее место во властвующем слое общества оказывалось под вопросом.

Велианд, удерживавший власть в своих руках слишком длительный срок смирился, что сын не осилит роль наследника и готовил к будущему правлению дочь. Амбициозность и гордыня, присущие Дее успокаивали Гордона. Главе государства оставалось только воспитать жесткость в дочери, умудрившейся при всей сфокусированности на собственной личности сохранить сентиментальность. Темиан был уверен, что с этой задачей отец справится. Меньше всего ему хотелось волноваться за сестру. Его пугала личная неопределенность. Утомившись от ожидания разрешения ситуации, он порывался сбежать из местности, походившей на глушь, лишенную прогресса. И в тоже время он смутно представлял себя частью Геопланта. Атмосфера мега-города давила психологически. Складывалось впечатление, что Геоплант окрашен в темно-серый цвет.

В минуты размышлений над местом проживания Темиан вспоминал историю оазиса человечества. От прежнего Кселона остались воспоминания и редкие старики, обладающие полезными знаниями. Одного из них он украдкой навещал. Старый художник учил его технике живописи. И об этом не следовало знать Гордону.

Со вздохом, означавшим скуку, парень толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел в свою комнату, состоявшую из многочисленных помещений и скорее схожую на персональный одноэтажный дом. Перед мольбертом Темиан не задержался – вдохновение напрочь отсутствовало. К тому же уроки живописи прервало ухудшение самочувствия учителя.

Рисование уверенно пачкалось невостребованностью.

Темиан почувствовал прилив гнева. В смерти его увлечения был виноват отец. Он подписал закон об избирательном предоставлении врачебных услуг. И сам себя загнал в тупик. В нижнем городе один за другим умирали нищие учителя и инженеры. Они уносили с собой знания, нужные Гордону. Нарастал энергетический кризис. При мысли о провале отца Темиан заулыбался. Только эта мысль никак не унимала головной боли, систематически сдавливавшей его виски.

Глава 10

Чужак не предвещал приятных перемен. Настороженные люди, едва оторвавшие головы от каторжных работ на поле, провожали взглядами мужчину, бредущего по проселочной дороге. Одетый не по установленным для нижнего города правилам и явно нероскошно, как для представителя главенств, незнакомец своим внешним видом указывал на то, что прибыл издалека. Но не это имело значение. Зачем – пугало куда сильнее, чем откуда.

Хардиан всматривался в лица людей, производивших впечатление подавленных и безвольных. Задавать им какие-либо вопросы он воздержался. Внимание чужака устремилось вдалеку, силясь выхватить совпадения с рассказами матери.

Городская черта начиналась почти сразу за пахотными землями. Низкие домики походили на подсобные помещения. Дорога представляла собой мешанину из глины и мелких камней. Вокруг не было деревьев, в такой зной позволивших бы укрыться в тени. Оглядевшись, Хардиан стал искать кого-нибудь выходявшего из домов. Присмотрев пожилую женщину, он почувствовал, что она наилучшим образом подойдет в качестве собеседника.

– Позвольте, попросить вас о помощи, – обратился Хардиан к обладательнице статной фигуры, не поддавшейся годам, явно отметившимся на её лице.

Ноннель, погруженная в размышления о судьбе внучки, оторвалась от окружающего мира. В голове назойливо возникала идея о поиске способа, который позволит её семье покинуть пределы мира, дошедшего до точки невозврата.

– Простите, пожалуйста, я очень нуждаюсь в вашей помощи, – повторил свою просьбу Хардиан.

В сознание врезались звуки, заставляя вернуться к реальности. Повернувшись в сторону источника шума, она увидела высокого брюнета, одетого в коричневый замшевый костюм. В чертах лица путника сквозило нечто знакомое, но что она не могла понять.

– Извините, меня за рассеянность: вы что-то хотели? – Ноннель стало стыдно за свое поведение, которое вполне позволительно было списать на возраст.

– Помогите мне.

– Что-то случилось?

– Я здесь впервые и мне требуется информационная помощь, – Хардиан все сильнее сомневался в правильности своего вояжа на родину родителей.

Ноннель продолжала разглядывать лицо незнакомца.

– Как вас зовут? – спросила она парня.

– Хардиан Астер.

– А как звали ваших родителей?

– Илалия и Эдуард.

– С этой девочкой я дружила с детства. Помню, когда она уезжала из наших мест, уже будучи достаточно взрослой, в сопровождении супруга. Ваши родители были красивой парой.

– Теперь мои родители стали воспоминанием.

– Как жаль. Мужайтесь, к сожалению, все мы отсюда уйдем.

Хардиан не умел принимать соболезнования, теряясь в подборе ответных слов.

– Вы проживали в Геопланте? – Ноннель решила переключиться на другую тему разговора.

– Выбор невелик и на тот период, равно, как и сейчас, – засмеялся Хардиан. – Родители видели широту горизонта, которую открывал мега-город. Не могу не согласиться с их решением. Геоплант в самом деле позволяет стартовать в профессиональном развитии. Но не всем.

– Неужели вы попали в число тех, кому это не удалось? – Ноннель предположила, что оставлять комфортную жизнь человек не стал бы и только поиск лучшего толкнул отправиться в дорогу.

– Частично. Куда лучше это получилось у моего отца. Эдуард действительно смог осуществить мечту. Он стал биоинженером и написал программу, позволившую вживлять наночипы в трансплантированные органы, печатаемые на 3D-принтерах для осуществления мониторинга и сигнализации о начале сбоя.

– Полезное изобретение. Что же произошло после? – чутье Ноннель уже дало ответ, но она не хотела проявлять себя нетактично и предпочла слушать рассказ собеседника.

– Родители расстались. Мама не смогла получить приличную должность в Институте кванта, и вынуждена была по распределению незадействованных персоналий работать в сфере обслуживания. Я получил тривиальное образование в области физических наук.

– Неужели вам не нашлось применения в Геопланте?

– Нашлось, но не настолько убедительное, чтобы мне не захотелось покинуть нажитые места.

– Могу полюбопытствовать какое именно?

– В правлении Института персоналий, – Хардиан закашлялся.

– Высокий уровень. Но почему вы бросили работу? – Ноннель показалось, что молодой человек зашелся кашлем из-за состава воздуха Кселона, отличавшегося от того, каким приходилось дышать геоплантовцам.

– Я не покончил со своей работой. Правильнее сказать, что взял тайм-аут. Есть над, чем подумать. Но прежде, чем я решу, что буду делать дальше, планирую немного отдохнуть. В Геопланте это невозможно сделать.

– В мое время люди уважали отдых. Сейчас это практически не применимо. Или я ошибаюсь?

– Отчасти верно, отдых полагается в исключительных случаях.

– Видимо, вы на очень хорошем счету в мега-городе, – Ноннель улыбнулась.

– Мне требовалась близость к природе. В Геопланте переизбыток технологий. И я решил погостить здесь. Мое руководство пошло навстречу исключительно из-за потери, постигшей мою семью, – Хардиан поспешил развеять мнение пожилой женщины о своем особом положении в городе.

– Увы, молодой человек, прежнего Кселона нет. И очень давно. Вместо него руины развитого общества под правлением тирана, – она сочувственно смотрела на гостя, планы которого безжалостно разрушила парой фраз.

Глава 11

Камера не была схожа на тюремную. Светлые тона окрашенных стен и пола, удобная кровать превращали место заключения в номер для отдыха. Девушка с ненавистью смотрела на стены, не имевшие перед ней вины. Такая красота лачугам нормалей не позволялась. Злость внутри особы, терпящей лишения разрасталась, и сама её создательница опасалась, что не сможет выстоять под натиском гнева. Энергия этой эмоции слишком сильна, особенно когда лишает своего обладателя самоконтроля.

К двери камеры подошел охранник. Алекс мялся в нерешительности. Ему казалась бестолковой идея ареста человека из-за наличия у него литературы на каком-то языке, не пришедшемся по вкусу правителю. На мониторе, демонстрирующем происходящее внутри камеры, он видел девушку, с короткой стрижкой, лежащую на кровати. Он отпер дверь и скомандовал задержанной встать и пройти с ним.

Этель смотрела на парня, одетого в форму охраны Велиандов с презрением. Если бы у неё имелось оружие, она бы пустила его в ход. Но относительно этой мысли она не была уверена, что смогла бы воплотить её в реальность. Поднявшись, она постояла, словно выжидая реакцию стражника. Но та не последовала. Пришлось идти с ним.

– Куда направляемся? – поинтересовалась Этель у человека, моментально ставшего врагом.

– Провожу вас к начальнику охраны Велиандов, – пояснил Алекс, стараясь придать голосу мягкость. Ему не хотелось досаждать и без того униженным и закабаленным нормалям.

– Не трудно догадаться.

– Тем не менее, вы задали вопрос.

Этель промолчала. Ей не к чему было придаться и пришлось копить гнев для разговора с очередным лакеем захватчика. Страх девушка не ощущала, в конце концов ничего преступного ею не было совершено, чтобы опасаться какого-либо серьезного наказания. Но кто знает, что взбредет в голову человека, нахлебавшегося вседозволенности.

– Мы пришли, – Алекс вырвал из раздумий арестованную и подвел её к широким дверям.

– И что я сама пойду в логово шакалов? – Этель почему-то не опасалась бросать колкости в беседе со служащим охраны.

– Увы, дальше придется идти самой, – Алекс попытался улыбнуться, но жалость к бедной кселонке лишь скривила его губы. Помочь он ей не мог, точнее боялся, чтобы не впасть в немилость.

Этель смерила взглядом сконфузившегося парня и открыла настежь двери, казавшиеся тяжелыми, но с легкостью поддавшиеся её силе. В кресле за аккуратным по размерам столом восседал полноватый мужчина. Он был застигнут врасплох девушкой, вошедшей без стука. Из рук Теноса выпал блокнот, в который он записывал свои стишки.

– Что же за воспитание такое у вас, юная особа? – ему не хотелось кричать, он устал от бесконечных допросов представителей нормалей, доведенных до состояния апатия и оттого переставших возражать, даже когда им инкриминировали виновность в совершении преступления.

– Что именно вас смутило? – Этель держалась с чувством собственного достоинства.

– Удивлен, – не скрыл впечатления от поведения кселонки Тенос, привыкший к виноватым выражениям лиц и сгорбленным спинам. Исключение из правил удивляло – девушка с взлохмаченными короткими волосами и вызовом в глазах смотрелась, как армеец. Даже стояла арестованная так, будто готовилась принимать удар.

– Это все, зачем меня звали?

– Нет. А теперь прекращаем обмениваться ничего незначащими фразами, и перейдем к делу. В вашем доме был найден сборник афоризмов.

– Если то, в чем мы живем можно назвать домом, то да. Читать нормальям не дозволяется?

– На латыни не дозволяется. Как и на старокселонском наречии. Только на новокселонском, – Тенос безэмоциональным тоном повторил девушке то, что должен был сказать согласно инструкции.

– То есть читать можно?

– Да.

– Забавно, – Этель засмеялась, – а что же книжки-то на новокселонском не издали?

– Издали. Просто приобрести их нормали не могут.

– С этого и начинайте. Вы что совсем за безмозглых держите кселонцев? – Этель не хватало сил сдерживаться.

– Я не обязан перед вами отчитываться. Такая политика государства.

– Нет, не государства, а всего лишь семейки Велиандов.

– Поаккуратнее, юная леди, иначе рискуете надолго поселиться в тюремном отсеке за проявление неуважения к главному лицу страны, – Тенос стал говорить жестче, чтобы остудить пыл девушки.

– А вот не напугали: камеры куда красивее и комфортнее домов нормалей. И ради чего это я должна восхвалять первое лицо?

Дверь с грохотом хлопнула. Этель обернулась. По мундиру, нацепленному на поджарое тело, она поняла, что получила возможность плюнуть в лицо Велианду, как и порывалась это сделать последние несколько лет. Вот только уверенность в том, что хватит решимости улету-чивалась по мере приближения величественной фигуры.

– Обязана, и все, – прогремел голос Гордона. – Ты всего лишь нормаль. Знай свое место. Это что ещё за манера общения у тебя? Тебе оказали честь прояснить преступное нарушение закона в кабинете самого начальника охраны, а ты здесь устроила представление обиженной особы.

– Честь? Общаться с кем? С вами? С охраной? Куда интереснее беседы с учеными людьми, – у Этель предательски дрожали ноги, но это не было заметно, чему она порадовалась.

– Пошла вон в камеру, – рявкнул Гордон, – Тенос, мне нужно с тобой посоветоваться.

– А, может я пойду вон к себе домой, это куда хуже, чем чистая камера, – засмеялась Этель.

Гордон, не привыкший уступать обидчикам, подскочил к девушке и, схватив её за грудки, притянул ближе к своему лицу, чтобы произвести устрашающее впечатление. Всмотревшись в глаза, источающие ненависть, он отпихнул девушку от себя и, пошатнувшись, стал искать, куда можно присесть. Тенос подскочил к правителю и поддержал его под руку.

– Вам плохо, господин Велианд?

– Она... она.. Откуда она? – Гордон дрожащим пальцем показывал в сторону девушки, раздирая на себе ворот и, силясь вдохнуть воздух, переставший поступать в должном объеме.

Этель выглядела ошарашенной. Она схватилась руками за борта своей куртки, которые только что побывали в кулачищах первого лица страны. Внутри девушки бешено колотилось сердце. Она испытывала желание бежать со всех ног домой. К бабушке. Добрые слова Ноннель утешили бы её, и страх отвалился бы, как кусок грязи. Это было невозможно. Напротив неё застыл несдержанный высокопоставленный человек. Понять причину его злости она могла, а вот оснований шархаться от неё, как от смертельной опасности не видела.

– Господин, что распорядитесь делать? – Теносу хотелось как можно быстрее уладить конфликт и дождавшись, когда его кабинет покинут и правитель, и арестованная вернуться к недописанным стихам.

– Я тебя спросил, кто она? – снова заорал Велианд, почувствовав, что кислород беспрепятственно проникает в легкие, а значит можно и дальше нервничать без опаски нанести вред здоровью.

– Это младшая из рода Телли. Этель.

– Телли... Я так и думал, – Гордон снова притих. Внутри крутилась только одна догадка, пояснявшая наличие вкраплений в радужке глаз девушки. – Кто твои родители?

– Клара и Кориан.

– А ты помнишь имена бабушек и дедушек?

– Странно, как можно не помнить имена близких людей? – на лице Этель красовалось неподдельное удивление.

– Я задал вопрос. Я. Отвечать, – стараясь не срываться на крик, потребовал Гордон дать ответ на его вопрос.

– Ноннель и Филипп по материнской линии. А по отцовской Дора и Антуан. Последние были отправлены в ликвидационное учреждение социальных паразитов. По вашей милости.

– Не по моей. Так постановили члены Совета Правления Геопланта. Тенос, распорядись доставить арестованную в её камеру.

– Как надолго? – поинтересовалась Этель.

– Ты обо всем узнаешь, – Велианд смотрел на человека, имевшего с ним общие гены, и впервые в жизни не знал, как поступить.

Глава 12

Неведение сдавливало голову, заставляя сосуды сжиматься. Сердце отколачивало ускоренный ритм. Шум в ушах и слабость в ногах не удавалось скрыть от бдительной дочери и Ноннель поддалась уговорам Клары выпить успокоительное. Дивным образом препараты затерялись среди личных вещей, которые солдаты не догадались перетрусить.

– Мама, я прошу тебя, приляг.

– Не могу. Внутри все рвется. Я не знаю, как она, – Ноннель стояла возле маленького окошка с тусклыми стеклами. Ей хотелось увидеть вдали от дома силуэт внучки, спешащей домой, но эта иллюзия только сильнее напрягала нервы.

– Зачем же она так повелась, – вздохнула Клара, подходя к матери, чтобы приобнять ту и тем самым немного снизить напряжение.

– Она поступила так, как и надлежит вести себя порядочным людям. И не лебезить перед этими лакеями Велианда, – строго осекла дочь Ноннель, стараясь склонить её к мысли, что смелость куда ценнее покорности.

– Я понимаю и не осуждаю свою дочь, мама. Но чего она добилась? Сама арестована. Нам предстоит платить штраф.

– Тебя только это беспокоит? – Ноннель резко повернулась к дочери и пристально посмотрела ей в глаза.

– Да, мама и это тоже меня волнует. Наша семья едва концы с концами сводит, а Этель понять не может, что в данной ситуации бессмысленное бунтарство ничего не изменит. Разве что ухудшит и без того плачевное положение родных.

Клара отошла от матери, качая головой. Седина на волосах сорокалетней женщины вкупе с сутулившейся спиной лишали её прежней молоджавости, свойственной Телли. Ноннель внезапно стало безумно жаль дочь, не знавшую отдыха, чтобы заработать на банальные нужды, но становившиеся едва ли не роскошью – оплата за аренду земли, на которой стоял жалкий домишко и скромную еду, но унимавшую чувство голода. Если бы Велианд не внедрил карательную политику, Клара могла бы преподавать философию и писать собственные труды, Кориан стал бы изобретателем, как мечтал. А Этель поступила бы в Кселонский университет, получила профессию лингвиста латинского языка, и, конечно же, встречалась с каким-нибудь симпатичным парнем, строя планы на совместную жизнь. А ей Ноннель оставалось бы радоваться за счастливую судьбу дочери и внучки. Но нет. Все уничтожил человек, тяготевший извлечь дополнительную прибыль из чужих земель, чтобы упрочнить имидж искусственного государства.

– Клара, ты кое-чего не знаешь, – Ноннель нашла в себе силы признаться дочери в тайне, которую хотела скрыть, тем более в условиях правления Велиандов.

– Ты меня пугаешь, – голос дочери дрогнул. Клара присела на кровать, отозвавшуюся жутким скрипом пружин, часть из которых прорвала ткань и норовила вылезти наружу из-под многочисленных одеял, заменявших матрас.

– Особо бояться нечего, но приятного будет мало в том, что я собираюсь тебе сказать.

– Мама, не тяни, я готова все услышать.

– Не думаю, что готова, но придется, потому как тайна нашей семьи, кажется, обнажилась, – Ноннель не без жалости всматривалась в лицо дочери, становившееся бледнее, чем было обычно.

Глава 13

Гардеробная растянулась на тридцать квадратных метров. Иногда Дее казалось, что она не помнит всех своих нарядов. Впрочем, и незачем было держать ненужную информацию в голове. Тут же всплыли в памяти слова отца, что в пустой голове дочери ничего не помещается, кроме мыслей о тряпках и балах. Если бы ей хватило смелости признаться ему, что она, не смотря на все желание не может осилить основы государственного управления, возможно она бы обрела свободу. Дея мечтала только о браке с Гедеоном и переезде в Геоплант. Второй шанс стать счастливой, как женщина. Первый брак был ранним и неудачным. За эту оплошность Гордон частенько упрекал дочь. На второй брак он бы не стал давать согласие так же просто, как в первый раз. А вот в Геопланте Дея смогла бы жить без отцовского гнета и занялась бы любимым делом. На протяжении нескольких лет она тщательно планировала проект по издательству журнала для читательской аудитории, которую формировали лица, принадлежащие к сектору управленцев и их родственники. О личных планах Дея не то чтобы вслух боялась упомянуть, но даже мысленно прокручивала их аккуратно, чтобы не выдать саму себя. Сбежать из дома с Гедеоном она собиралась в ближайшее время, но так, чтобы не быть задержанной. Если она успеет добраться до Геопланта, то попадет под юрисдикцию главного города, и распоряжение уездного Гордона Велианда не будет иметь силы. Гедeon был наготове. Он собрал приличную сумму наличкой, чтобы обосноваться в апартаментах верхних этажей, отводимых для знатных персон. Дея жадно ловила момент, который попадет под критерии удачного, но, то ли боялась, то ли тот и в самом деле не наступил, чтобы действовать. Опасалась она только попыток отца вернуть её обратно, ведь она являлась единственной из Велиандов, кого готовили на занятие верховной должности. Темиан не оправдал надежд отца сильнее, чем она, а значит, нечем будет прикрыть свое бегство. Разозлившись на бездарного брата, Дея решила поговорить с ним, может тот одумался и захочет стать высокопоставленной персоной в Кселоне. Нехотя она отправилась на этаж, занимаемый братом.

Дея зашла без стука. Темиан покачал головой, глядя на сестру, с детства не обзаведшуюся хорошими манерами.

– Я знаю, что ты недоволен моему появлению здесь, – сообщила Дея и, пройдя вглубь комнаты, исполнявшей роль приемной, уселась в роскошном кресле, обитом бархатом. Цвет ткани сливался с её иссиня-чёрными волосами, создавая мистический контраст со светлой кожей лица.

– Пришла ты не просто так – это понятно. Я жду, когда ты сообщишь цель визита, – Темиан подошел к окну и опершись на подоконник сложил руки на груди.

– Ты недоволен тем, что отец вывел меня в кандидаты на пост верховного? – Дея приступила к сути, но не грубо прямоком, а со стороны, чтобы подвести брата к нужному настрою.

– Нет, – Темиан не лгал и недоумевал, с чего это сестра затеяла бессмысленный разговор.

– Не верю, – Дея не собиралась сдаваться и продолжила направлять брата в нужное русло беседы.

– Мне все равно, Дея, – Темиан безжалостно рубил её попытки манипулирования.

– Ты невыносим, – повысила от бессилия голос Дея, но не стала вскакивать с кресла и бежать прочь, как бы сделала раньше.

– Что ты хочешь? – Темиан видя несвойственное сестре поведение, догадался, что за невинным началом разговора находится нечто важное. Для неё точно.

– Ты прав – я хочу от тебя кое-что. Малость, можно сказать, – Дея топталась на собственных словах, утратив способность складывать их в ладные предложения.

– И? – Темиан, невзирая на запах интриги, утрачивал интерес к продолжению странной беседы.

– Ты мужчина. Тебе будет к лицу занять высокую должность, и ты лучше с этим справишься, а я опозорю семью, – Дея не боялась показаться слабачкой, ведь на кону лежали свобода и любовь.

– Не согласен с тобой.

– С чем именно?

– Явно не с первой частью твоего замечания.

– А я уже не уверена. Неужели ты не хочешь проявить себя и доказать отцу, что ты чего-то стоишь? – Дея утрачивала терпение и переставала контролировать себя, рискуя допустить оскорбление в адрес брата, что неминуемо привело бы к прекращению диалога.

– Как обычно не можешь обойтись без нападения. Нет, Дея, тебе в этом равных нет, и ты как раз оправдаешь ожидания отца, а не я, – Темиан не собирался бороться с сестрой за местечко отцовского любимца.

– Ты не понимаешь, – вскричала Дея, вскакивая с кресла, но передумав ретироваться из начавшегося спора, присела.

– В этом ты права. Поясни, что ты хочешь от меня конкретно.

– Ты должен обучаться основам управления государством, а не я. Не получится из меня замены отца.

– Не хочу, – Темиан спокойно смотрел на полыхающее румянцем лицо взволнованной сестры.

– Я ненавижу тебя, – прошипела она, закрываясь ладонями, как в детстве, когда ей хотелось сменить окружающую действительность.

– Я в курсе. Если это все, то попрошу тебя оставить меня наедине с моими мыслями, – Темиан повернулся к стеклам, обнажившим остроту красок летнего хозяйствования в саду.

– Пожалуйста, хотя бы сделай вид, что ты согласен быть верховным. Потом откажешься, – Дея окончательно утратила понимание сути положения, в котором оказалась.

– Ты сама не веришь в реальность своей просьбы. Это невозможно. Во-первых, отец никогда не доверит управление мне. Во-вторых, если бы я соврал, и отец поверил бы, то отказаться потом было бы нереально. Запущенный маховик учебы не позволил бы выйти из цикла. Ты не просто так меня об этом просишь. Выкладывай, что случилось, тогда я смогу тебе помочь, – Темиан приблизился к сестре, напрасно пытавшейся спрятать за ладонями слезы.

– Я хочу уехать отсюда. Темиан, я просто хочу любить и жить своей жизнью, – Дея поразилась легкости, с которой призналась в сокровенных планах человеку, которому меньше всего доверяла. Психологическая близость с братом, намного младшим за неё, не присутствовала в их отношениях.

– Так скажи честно отцу, что ты не готова стать его заменой, – Темиан не видел сложности в том, чтобы сестра без хитростей отказалась бы от неподходящей ей роли.

– Он не согласится на это без замены.

– И ты решила, что я смогу занять твое место?

– Да.

– Наивно.

– Темиан, я не смогу.

– Дея, кроме как душевного разговора с отцом ничего другого быть не может.

– Душевного? – Дея не играла, сделав удивленное лицо.

– Ты права, – он осекся, ведь действительно, отец никогда не мог никого понять.

– Если я не смогу отсюда уехать, я погибну, – прошептала сестра.

– Без глупостей, – Темиан присел возле кресла и взял в руки её мокрые от слез ладони. Перед глазами всплыл фрагмент детства, когда он также само держал за руки старшую сестру, наказанную отцом и оставленную на веранде под проливным дождем.

Глава 14

Со стен опадала штукатурка. Лежа на кровати в полупустой комнатке ничего не оставалось, как следить за симптомом тотальной нищеты. Беглые поиски способа отпугивания скуки не дали результата. Усталость, оставленная дорогой, сдалась и отправила Хардиана в область сновидений. Даже жесткая кровать не оставила шанса бессоннице.

В соседней комнате стараясь не шуметь, беседовали женщины, принявшие в своем доме незнакомца. Ноннель настояла на проявлении гостеприимства, и дочери пришлось подчиниться. События, происходившие в семье, и без того рвали нервы. Клара не хотела, чтобы в доме находился посторонний человек, но мать сумела отвлечь её интригующим заявлением.

– Мама, что же ты хотела мне сказать? – Клара лишалась терпения от ожидания услышать нечто важное.

– Клара, ты помнишь своего отца? – Ноннель трудно было подобрать соответствующие ситуации слова.

– Мама, ты меня пугаешь, – Клара с испугом смотрела на мать.

– Вот именно – ты ничего о нем не знаешь кроме имени, – Ноннель на минуту стало стыдно, что она долгие годы хранила в секрете то, на что имелось право у дочери.

Клара внимательно смотрела на мать, стараясь держаться спокойно, но внутри клокотало раздражение.

– Не нервничай, я начну с самого начала свою историю, – Ноннель улыбнулась, понимая, что испытывает дочь.

За стеной застонал Хардиан, вырывавшийся из сна, и погружавшийся в него обратно. Он научился цепляться за дрему, игнорируя кошмары, снившиеся с завидным постоянством. Ворочаясь с бока на бок, он создавал скрип старых пружин давно истрепанного матраса. Клара прислушивалась к шорохам. Ощувив на себе выжидающий взгляд матери, она переключила внимание на рассказ, призванный приоткрыть ей завесу тайны над прошлым семьи.

– Мои отношения с Филиппом благословляла юность. Та самая пора, когда чувства лишены примеси второстепенных размышлений. Мы были одного возраста и, как несложно догадаться, учились вместе. Детская дружба сменилась любовью. На берегу реки под самым раскидистым дубом мы планировали в деталях нашу свадьбу. С именем будущего ребенка мы уже определились. О том, что я беременна никто не знал, кроме нас двоих. Мы хотели сделать приятный сюрприз родителям Филиппа, небезосновательно переживая, какой будет их реакция. Тогда ещё не было разительного отличия сословий, к которым мы принадлежали, но его род имел особые полномочия в обществе, – Ноннель притихла: она ждала, что дочь задаст вопрос, облегчив ей непростую задачу рассказывать не самые простые вещи. Клара молчала, что на неё не было похоже. – Мои родители ждали именно такого исхода, догадываясь о причине моей слегка округлившейся фигуры. На том берегу я с Филиппом последний раз была вместе. Последний раз была счастлива и любима.

– Он тебя бросил? – Клара все-таки утратила терпение и дала волю начавшим рождаться ноткам возмущения.

– Он был убит в тот день. Собственным братом.

– Не может быть, – Клара словно получила удар, сжавшись в комок. – Я в тот момент оставила его одного, чтобы нарвать цветов и отправиться с ним в дом его семьи. Брат Филиппа всегда был человеком, наделенным амбициями и вел себя высокомерно, но я не ожидала, что он способен совершить преступление. Это было его первым злодеянием и не последним. Я оторопела, увидев его бредущим к своей лошади с окровавленными руками. Кинувшись к Филиппу, я вынуждена была констатировать, что он умер. До утра я сидела рядом с его бездыханным телом, пока меня не подняли с земли руки отца и не повели домой, пока Филиппа увозили

службы контроля. Расследование по факту убийства Филиппа не начиналось. Семья человека, убившего брата, пожелала избежать огласки и так как случившееся было невозможно исправить, предпочла спасти живого сына.

– Кошунство какое-то, – Клара не стала блистать многословием, быстро вернувшись к роли слушательницы.

– Мои родители помогали мне с новорожденной девочкой. Ты не доставляла мне хлопот, – Ноннель улыбнулась.

– Как звали брата моего отца? – глаза Клары полыхнули злостью.

– Не спеши, – Ноннель поднялась со старого стула и немного походила по комнате, разминая ноги.

– Мама, то, что ты мне рассказываешь, имеет отношение к Этель? – встревожилась Клара, чувствуя, что развязка её огорчит ещё сильнее.

– К сожалению, – Ноннель не стала тянуть интригу и решила на признание, – брат твоего отца Гордон Велианд. Если он узнает, что Этель имеет с ним родственные узы, я не берусь предсказать дальнейший ход событий.

– Но как он это может узнать? – Клара подвергала свои рассуждения воздействию логики.

– Всего лишь заглянув в глаза, – Ноннель тяжело вздохнула и присела, почувствовав слабость в ногах.

Глава 15

Наедине думалось легче. Тишина нарушалась собственным дыханием. За окнами проплывали тучи. Наметившаяся гроза сочеталась с настроением пожилого мужчины, стоявшего у окна. Простое выражение лица отключило надменность. Гордону хотелось допросить вздорную девушку, не испытывавшую при его виде страха, но он недоумевал, как задать вопрос и, впрочем, какой. Крапинки на радужке глаз были редчайшей патологией, и присуща она была исключительно роду Велиандов. Сомнений в том, что девчонка могла быть внучкой Филиппа у Гордона не оставалось. В сложившейся ситуации единственным верным решением было общение с Ноннель. Гордон содрогнулся от мысли, что придется с кем-либо поднять разговор о брате. Прошрое иногда отставало от его бега по жизни, но изредка настигало и принималось душить, хватая за горло. Меньше всего ему хотелось в очередной раз смотреть в глаза женщины, знавшей о его преступлении. Величие потомка Велиандов шаталось. Поддержать могли только собственные дети, если бы имели способности к этому, но, ни сын, ни дочь не обладали и сотой долей навыков лидера, достойного занять его место. Дея старалась изо всех сил, но Гордон осознавал, что представить Сенатской Двадцатке девушку, не имевшую ни жесткости во взгляде, ни умений ориентироваться в экстремальных ситуациях, ни просто стати, присущей правителю, стало бы для него провозглашением несостоятельности молодого государства. Темиан был наделен эрудицией, при этом совершенно не умел свободно лавировать словами, к тому же не желал следовать по отцовским стопам. Дети Гордона стали обличением его страха.

Перед глазами собирался образ Этель. Гордая, смелая, наделенная уверенным голосом и способная кинуться в бой в любую секунду, она подходила идеально на место Велианда. Гордон замер. Подумав, он улыбнулся, а уже через минуту смеялся. Нажав на кнопку вызова секретаря, он впитывал в себя облегчение. Потрудиться Гордону придется, чтобы достигнуть желаемого, но старания будут стоить затраченных усилий.

В кабинет вошел Денис и молча уставился на верховного.

– Иногда мне кажется, что, если я не заговорю, ты так и простоишь истуканом, – высказал наблюдение Гордон, и не дав секретарю опомниться, продолжил, – записывай: Этель из рода Телли перевести под арест на шестой этаж. У входа на этаж выставить охрану. Оставить открытыми первые комнаты. Библиотеку также. Пускай день ещё посидит в камере. Потомится. Пока подготовьте этаж. Завтра проконтролируй исполнение моего распоряжения, – Гордон попытался немного прикрыть наготу своего щедрого расположения к арестованной.

Не получив ни единого вопроса от Дениса, умевшего обходиться без слов, Гордон принялся прокручивать в голове вероятность событий и реакцию на них со стороны Этель.

– Если арестованная потребует разрешить ей связаться с близкими, сообщи, что скоро она получит возможность общения с семьей. Настоящей. – Гордон решил подготовить почву для предстоящей работы над созданием привлекательной личности.

Глава 16

Приблизившись вплотную к тусклой глади зеркала, женщина не шевелилась. Гость вошел в комнату без стука, поймав себя на мысли, что повелся некультурно, но было поздно исправляться. Его взгляд не коснулся женской фигуры. Полагая, что покинуть помещение, не обозначив своего присутствия, будет куда хуже, чем войти без спроса, Хардиан откашлялся.

– Да, – протяжно произнесла Клара, не считая нужным отрываться от рассматривания собственной радужки.

– Простите, что побеспокоил, – Хардиан начинал чувствовать себя все скованней.

– Ничего страшного, говорите, что хотели, – Клара удосужилась повернуться к молодому мужчине.

– Я понимаю, что стал незванным гостем и стесняю вас, но только подскажите, где можно арендовать жилье и я покину вас.

– За это не волнуйтесь, Хардиан, оставайтесь погостить у нас, а вот аренду вам никто не предложит, ибо новые законы задушат арендодателя налогами, – на лице милой женщины заиграла улыбка, позволяя собеседнику почувствовать себя уютнее, нежели в начале разговора.

– Если честно, я вообще не знаю, что делать дальше, – признался Хардиан, ощущая опустошенность от своего пребывания в Кселоне. И это всего-то за пару дней, а что будет дальше, он и представить боялся.

– Вы прибыли из Геопланта, так мне сказала мама, но почему вы покинули центр технологической цивилизации? – поинтересовалась Клара его причинами круто менять собственную жизнь к худшему.

– Я нуждался в переменах. Там, откуда я прибыл нет природы, как таковой. Только высотные здания вокруг. Геоплант перенаселен. Здания выгоняют в течение пары месяцев, и они теснейшим образом стоят друг к другу. Настолько тесно, что можно пожать протянутую руку человека из соседнего дома. Кажется, что воздух насыщен чем-то химическим, ненатуральным. Хотя отчасти так и есть: системы воздухоочистения на самом деле попросту выпрыскивают в атмосферу реагенты, призванные нейтрализовать загрязняющие компоненты. В реальности без побочного эффекта не обходится. Кроме этого, есть и ещё существенная причина, заставившая меня ретироваться с местечка мнимого комфорта. Я устал. Банально утомился от необходимости работать по 18 часов.

– Здесь природа сохранена, что придает Кселону преимущества, но здесь царит нищета. Здесь нет перспектив. В Кселоне больше не развиваются наука и искусство. Наше государство стало кузницей рабочей силы, а не знаний, – слова Клары вторили чужой депрессии, сливаясь в один поток мрачности.

Хардиан прикрыл глаза. Он выдохнул чистый воздух Кселона со стоном, и чтобы почувствовать хоть какую-то опору присел на стул, норовивший развалиться от времени. Возраст гостя позволял Кларе вести себя с ним, как полагается старшей сестре, и она слегка коснулась его плеча, сиюсь придать жесту успокаивающий характер. Серые глаза посмотрели на неё, ища понимания. Хардиан не отдернул руки Клары, как это могла бы сделать на его месте Этель, подававшаяся эмоциональным всплескам. На минуту женщина пожалела, что у неё нет сына. Такого, как этот высокий обладатель серых глаз, нуждавшийся в природе и материнских советах.

– Что же мне делать? – задал Хардиан вопрос, превращавшийся в риторический.

– Оставайтесь здесь. Я что-нибудь придумаю, – солгала Клара, ведь в её голове не имелось ни одной идеи, как спасти жителя мега-города от скуки, ставшей частью повседневности нормалей, проводящих время на полях и в производственных цехах.

– Но чем мне заниматься, по крайней мере на время моего длительного отпуска?

Не так часто Хардиан нуждался в чужих советах. В сложившейся ситуации ему не хотелось самостоятельно искать ответ на свой вопрос. Он почувствовал укрепление апатии. Той редко позволялось ступать на территорию души человека, умевшего высматривать в полнейшей безнадежности фрагменты просветов. Но апатия не нуждалась в разрешении на право овладеть жертвой. Оставшись одиноким, Хардиан стал доступной мишенью для уныния. А оно имело побочный эффект в виде паралича мыслей.

– Прогуливайтесь по берегу реки. И самое главное, избегайте общения с нормальными, они не приемлют соседства с теми, кто от них отличается, – принялась проводить инструктаж Клара, вырывая собеседника из прострации, – затем я решу свои личные проблемы и только потом смогу начать размышлять над чем-либо другим, в том числе над программой вашего отдыха.

– У вас что-то произошло? – участливо поинтересовался Хардиан, отвлекаясь от собственной неясности бытия.

– Арестована моя дочь, – коротко сообщила Клара, стараясь не проговориться о семейной тайне.

– Вам ничего неизвестно о сроке её задержания?

– Ничего.

– Если позволите, я могу дать пару юридических советов, – предложил Хардиан поучаствовать в решении проблем гостеприимного человека, используя опыт друга, трудившегося в Институте персоналий Геопланта.

– Я буду рада, вот только отблагодарить смогу предоставлением ночлега, – сообщила Клара, опасаясь отказа гостя консультировать её ради испытываемых неудобств в лачуге.

– Это меньшее, что я могу для вас сделать, – Хардиану хотелось снова увидеть улыбку на лице женщины, проникнувшейся к его проблеме и одновременно он испытывал отвращение к самому себе за допущенное вранье.

Глава 17

Неясность происходящего не позволяла дышать полной грудью. Надоедало лежать пускай на мягкой, но арестантской кровати. Усталость от ходьбы по комнатке присоединялась к неприятным эмоциям. Ей хотелось вырваться на свободу и бежать домой, пускай и терявшимся в грязи и нищете. При воспоминаниях о доме, она поежилась и поймала себя на мысли, что не шибко и хочется оказываться в месте, где дурно пахнет, жестко спится и чувство голода накатывало не так уж редко. Даже в камере было намного комфортнее. От такого диссонанса Этель ощутила неведомое доселе чувство. Не зависть. Отторжение. Стремление дистанцироваться. Она просто не знала другого направления, куда могла бы направиться. Внутри росло негодование от жалкой участи. Страх, что будущее будет таким же, а то и хуже, разрастался. Под ногами распласталась неизвестность, превращавшая пол в зыбучий песок. Этель вернулась на кровать и, приняв позу зародыша, усердно старалась заснуть. Как никак, а время бежало быстрее мимо того, кто отсутствовал в реальности.

За девушкой, предоставленной на растерзание неизвестности по распоряжению начальника охраны, следил Алекс. Мониторы передавали четкую картинку. Парню понравилась блондинка с огромными голубыми глазами. Стройное тело девушки притягивало его внимание. Алекс не мог дождаться отпуска, полагавшегося каждые четыре месяца, чтобы отправиться домой и встретиться с какой-нибудь легкомысленной особой. Впечатленный образом Этель, он прикидывал, есть ли кто-нибудь схожий на неё на окраине Геопланта. Вернувшись мысленно домой, он спугнул романтический настрой.

Этель ворочалась. Сон был поверхностным и не удерживал сознание на территории грез. Девушка ощущала усталость от бессонницы. Вскочив на постели, она сжала ладонями голову, силясь отогнать вялость. Подняв глаза к потолку, она скользнула по камере наблюдения. Разозлившись, что за ней следят, она вскочила и попыталась дотянуться до камеры, но вместо этого ободрала руку об стену.

Алекс не спеша взял аптечку и направился к непоседливой заключенной.

Звук открывающейся двери не испугал Этель: внутренне она была готова к любому повороту. Появление Алекса успокоило: от него она не ждала неприятного сюрприза.

– Чего не сидится, не спится? – засмеялся парень, доставая из коробочки антисептик.

– Имею право двигаться, – отрезала Этель.

– А чем обработать ссадину – нет.

– Что-то мне подсказывает, что от царапины не умирают.

– Как сказать, столбняк получить можешь, – попытался придать ценности своему поступку Алекс, обильно поливая из распылителя ободранную кожу на руке девушки.

– Если в нижнем городе до сих пор ничего не подцепила инфекционного, то в чистой камере и подавно не заражусь.

– Неужели все так плохо в нижнем городе?

– А ты что там не был? – удивилась Этель вопросу охранника.

– Если честно, то никогда, – признался парень, не представляя, в каких ограничениях могут жить люди.

– С удовольствием бы показала, – съязвила Этель, но видя доброжелательность на лице охранника задумалась не перегибает ли она палку в своей воинственности.

– Пойми, я не виноват в том, что нормали терпят неудобства. И мне бы хотелось хоть разок увидеть, как живут такие, как ты, – Алекс неуклюже подбирал слова и видя краснеющие щеки Этель осознал ошибку.

– Такие, как я, – девушка перекривила охранника, – а что же в нас такого дефектного или какими ты считаешь нормалей?

– Обычными. Таковыми же, как все. Но только нормали живут в нижнем городе, вот поэтому я так и сказал, – попытался оправдаться Алекс, но ему становилась неприятна беседа со слишком агрессивной девушкой и он, поставив на столик спрей с антисептиком, вышел из камеры.

Этель проводила парня суженными в щелочку глазами, пытаясь успокоить прерывистое дыхание и сдерживаясь, чтобы не закричать от отчаяния.

Глава 18

Комната Теоны изобиловала картинами. Теми самыми, что он терпеть не мог. Складывалось впечатление, что она намеренно перегружает стены произведениями искусства, зная, что он их ненавидит. Гордон прикрыл глаза, громко выдохнул и направился вглубь помещения, вызывавшего головокружение. Он не считал нужным пояснять истинную причину ненависти к картинам, ведь тогда он рисковал затронуть воспоминания о Филиппе, поклонявшегося искусству. Но и тема разговора, с которым он пожаловал к Нине, также касалась персоны брата.

– Не ожидала тебя здесь увидеть, – поприветствовала Гордона миловидная брюнетка, не утратившая легкости походки, хоть и напрочь лишилась стройности.

– Сам поражаюсь. Я не просто так пришел – к сожалению, необходимо обсудить вопросы государственной важности. Вопросы будущего.

– Со мной?

– Потом удивишься, когда я уйду, а сейчас будь добра стань серьезнее и помоги мне, – Гордон не боялся просить совета у жены, на протяжении многих лет консультировавшей его по какому-то личному и непонятному для неё самой чувству долга.

– Давай присядем и рассказывай, что стряслось, – Теона в момент убрала с лица улыбку и по-деловому указала супругу на уютные кресла, обитые розовым шелком.

– Не буду врать: наши дети не способны занять мое место, – Гордон сделал паузу, приготовившись читать мимику на лице жены, но та не собиралась поддаваться эмоциям. – Темиан пренебрегает возможностью править страной. И даже, если бы он был готов стать моим наместником, у него нет хватки. Он мягок и нерешителен. Дея силится быть похожей на меня, но её умственный потенциал ограничивается модой и развлечениями. Мне нечем себя заменить.

– Ты не просто так мне об этом говоришь.

– Ты права.

– Ты присмотрел кого-то вместо Деи и Темиана? – Теона всегда угадывала то, что муж старался спрятать за словами.

– Да, – он не был удивлен проницательности супруги. Она облегчала задачу введения её в курс дела.

– Личность стоящая?

– Там есть сила воли, смелость и дерзость.

– А ум?

– И ум. Но мало знаний, что можно ликвидировать в течение года, как минимум.

– А желание? – Теона не выглядела напряженной. Он опасался, что она будет уязвлена устранением детей от власти.

– Не интересовался.

– А как ты собираешься заставить человека занять столь высокое место?

– Она и сама захочет. Просто нужно подтолкнуть.

– Она?

– Да. Внучка Филиппа.

– Он же не был женат, – Теона обеспокоилась появлением информации о человеке, оставшем внутри неё теплые воспоминания.

– Не успел. Но от него родился ребенок, – Гордон не был настроен вдаваться в подробности прошлого, не перестававшего его истязать раскаянием.

– А кто же мать того ребенка? – Теона не собиралась понимать тон мужа и поддавалась влиянию раздиравшего её долгие годы любопытства.

– Зачем тебе это знать? Мучают догадки о сопернице? – Гордон ухмыльнулся.

– Прекрати. О Филиппе у меня исключительно дружеские воспоминания. Давай вернемся к тому человеку, которого ты решил водрузить на трон, – Теона не позволяла мужу топтаться по её чувствам.

– Внучка Филиппа сидит в тюрьме.

– Замечательное начало. А, как-то помягче нельзя было её принять в нашем доме?

– Она сама виновата. И тогда я не знал, кем она мне приходится. Эти детали неважны.

– Давай говорить о том, что важно.

– Она не знает, что мы родственники.

– Ты не знаешь, как ей об этом сообщить?

– Вот представь себе, впервые в жизни испытываю неловкость.

– Значит она действительно личность, производящая сильное впечатление.

– В этом я не сомневаюсь. Мне нужно её подготовить медленно и аккуратно к тому, что я хочу получить.

– Её близкие не в курсе твоих планов? – вопрос Теоны звучал, как вывод, но она не решилась подчеркивать быстроту мышления на фоне растерянности супруга.

– Ты и так это поняла. Её родственники – нормали. Она прожила всю жизнь в нищете, но подозреваю, что бабушка учила её, и поэтому мне не достался неуч в виде двоюродной внучки.

– Непростая ситуация, – Теона смотрела на Гордона и пыталась понять, не спятил ли он.

– Поможешь?

– По крайней мере, буду стараться.

– Не оскорблена, что детишек отверг?

– Нет, – Теона не врала, ведь речь шла о внучке Филиппа.

– Догадываюсь почему. А я обижен. Продолжение брата лучше моего.

Гордон встал с кресла и направился к выходу, чтобы быстрее выветрить из себя неприятный осадок не от разговора, а от ироничного поворота судьбы, ударившей его в отместку.

Глава 19

Пространство, на которое возлагались надежды, отравляло. Тишина, о которой приходилось мечтать, не умиротворяла. Куда бы он не повернул голову, находилась причина для разочарования. Здесь медленней, чем в Геопланте передвигались люди. На их лицах также само не было улыбки, как и у жителей мега-города. Но мимика кселонцев казалась упрощенной.

– Прошу вас, Хардиан составить мне компанию, пока мои дочь и зять до вечера пробудут на работе, – его тишину стерла хозяйка скромного домика, в котором ему пришлось застрять.

– Не возражаю, – Хардиан непринужденно улыбнулся.

Ноннель указала молодому человеку в сторону густых кустарников, росших в нескольких метрах от дома.

– Там удобная скамья, и мы можем посидеть в тенечке.

– А что ещё остается делать, – интонация сына подруги детства указывала на отсутствие настроения.

– Прошу меня простить за любопытство, но поделитесь со мной впечатлениями о Геопланте, – Ноннель едва дождалась момента, когда гость наконец-то расположится и будет готов к продолжению беседы.

– Но только в обмен на ваше повествование о том, каким стал Кселон.

– Договорились.

– Геоплант населен несколькими миллионами человек. Не смотря на довольно длительное существование мега-города, рождаемость не ускорилась. Напротив, правительство старается регулировать данный процесс, чтобы не произошло чрезмерного роста потребителей ресурсов. В рамках данного пункта политического контроля устраняются лица, лишённые способности приносить пользу обществу. Недееспособные и пожилые, а также тяжелобольные люди помещаются в специализированное учреждение, и их дальнейшая судьба становится неизвестна. В принципе, живущие в Геопланте нужны правительству исключительно для работы. Там нет оснований становиться счастливым.

– Печально, – Ноннель и не ожидала услышать воодушевленный отзыв о месте, сформированном в параллель Кселону, и где цивилизация должна была развиваться ускоренным образом.

– Я вижу не более радостную ситуацию здесь.

– Вы правы, молодой человек. В Кселоне свыше двадцати с лишним лет назад кардинальным образом изменилось правление, и страна была поделена на верхний и нижний города. В нижнем городе остались проживать кселонцы и их потомки. В верхнем обосновалась часть кселонцев, принявших политику Велианда и взамен на сотрудничество получивших право проживать в комфортных условиях. Насколько мне известно, в верхний город из Геопланта прибыли те, кто вошел в состав Сенатской Двадцатки и занявшие управленческие должности. Гордон и его пособники создали паразитирующее государство для избранных.

– Дискриминация.

– Совершенно верно. Кселонцы перешли дорогу Велианду и его свите, отказавшись выдавать наработки предков по добыче и накоплению энергии. В отместку он разрушил нашу гуманистическую систему.

– А те, кто стали его союзниками не могли ему предоставить нужные сведения?

– В том-то и дело, что информацией, требовавшейся Гордону владели только избранные персоны в прежнем Кселоне. Они не стали предателями.

– Как будто уже тогда были предпосылки опасаться такого развития событий, – подметил Хардиан.

– Это было закономерно, в условиях резко меняющегося мира. Укрепление Геопланта, как отдельного государства давало основания опасаться покушения на наши научные и инженерные изыскания.

– Кселон не развивался тем же путем, что Геоплант?

– Нет.

– Мама мне многое рассказывала о вашей стране, как о месте, где ценится человеческая личность и где предоставляются все возможности для её развития.

– Так и было. Пока Велианд не учинил террор.

– И чего он достиг в итоге?

– Он сформировал персональное государство на руинах страны, в которой сам родился. Гордону удалось разделить Кселон на две части. Население страны он превратил в необразованных исполнителей второстепенной работы.

– И это то, к чему он стремился?

– Сомневаюсь. Он просто не умеет действовать иначе. – Ноннель отвернулась в сторону от собеседника, словно хотела помолчать.

Невербальный намек был понят, и Хардиан оставил пожилую женщину в одиночестве, отправившись в дом.

Глава 20

Какой она ему помнилась, она точно знала. Милая девятилетняя девочка, с забавными кудряшками черного цвета. Ни намек на женскую красоту. Просто милое дитя. А он, предчувствуя, что девчушка не извлечет из своего сердца первую любовь, относился к ней уважительно и тщательно скрывал, что уже нашел ту самую, что станет единственной. Теона узнала, что Филипп собирается жениться и стала избегать его. Полудетская ревность позаботилась о девочке, продиктовав верную политику поведения. Чувства к парню, старшего её на восемь лет были заткнуты вглубь, но не предались забвению. Спустя сорок с лишним лет первая любовь встрепенулась и осозная явную неуместность, сублимировалась в заботу о двадцатичетырехлетней внучке Филиппа. Теона тщательно изучала личное дело арестованной девушки. Ничего впечатляющего в биографии представительницы нормалей госпожа Велианд не отыскала. Губы Теоны сомкнулись с узкую полоску. Она напряженно думала над планом построения диалога с Этель. Стремление помочь супругу, изрядно её утомившего, казалось необоснованным. Лгать самой себе она не умела. Внучка Филиппа была единственным фрагментом, связывающим её с прошлым, той, его частью, которой не имелось в настоящем.

Нажав на кнопку вызова секретаря, Теона прикидывала вариант развития беседы с заключенной.

Дверь кабинета открылась и вошла Лани, готовая получить распоряжение и отправиться его исполнять.

– Присаживайся, дорогая, мне твой совет нужен, – Теона смотрела на секретаря с умилением: она уважала свойственные Лани такт и логику.

Устроившись за столом совещаний госпожи Велианд, помощница заняла выжидательную позицию.

– Как мне начать разговор с человеком, проводившим всю свою жизнь в нищете и при этом не разозлится, а расположить к себе? – госпожа Велианд избегала вводной части беседы и резко переходила к сути.

– Непростой вопрос, – задумавшаяся секретарь подействовала на Теону удручающе.

– Я должна предложить этому человеку остаться у нас.

– Тогда задача становится проще. Следует обрисовать перспективы жизни в достатке на фоне испытанных ограничений, но кратко. Будет предложено длительное пребывание в резиденции?

– Да.

– Тем более. Будьте готовы к шквалу обвинений и обиды. Последнее нужно как можно быстрее устранить. Для этого достаточно убедить человека, что в его бедственном положении виноват кто-то иной, но не вы.

– А я не виновата.

– Вот. Вы уже почувствовали, что вас подозревают в этом. Не вздумайте оправдываться. Действуйте решительно. Ваше предложение должно звучать не как просьба, а как альтернатива тому, отчего человек хочет убежать.

– Не хотелось бы действовать нетактично, чтобы не обидеть, – Теона представила себя на месте Этель.

– А это вас меньше всего должно волновать, тогда инициатива в разговоре будет за вами.

– Спасибо, Лани. Если на сегодня с корреспонденцией разобралась, можешь отправиться к себе, – Теоне не хотелось получать ещё больший объем советов, очищенных от эмоций.

– Благодарю, госпожа, – Лани поднялась и направилась к выходу.

Теона всматривалась в записанные на бумаге тезисы к предстоящей беседе с Этель. Жутко становилось от мысли, что придется вести себя с внучкой Филиппа надменно и отстра-

ненно, но ей нужно было достичь результата, а значит, метод не должен был вызывать волнение. По крайней мере, настолько сильно. Поднявшись из-за стола, Теона ощутила дискомфорт от затекших ног. Всякий раз, когда тело заставляло задумываться о возрасте и болезнях, она жутко злилась. Ей не грозила участь социального паразита в виду высокого происхождения, но её солидный возраст на фоне обслуживающего персонала дома и людей, проживающих в городе, становился поводом для личной обиды. Задумавшись о старении, она ощутила беспомощность. Не собственную, а всего человечества. Великие умы создавали уникальные изобретения, смогли избежать тотального краха цивилизации, но по-прежнему оставались уязвимыми перед неизбежностью.

Спустившись на шестой этаж, где разместили заключенную, Теона почувствовала облегчение, что девушка не терпит лишений, неизбежных при нахождении в тюремной камере. Постучав в дверь, чего ей не должно было делать, она вошла.

В прихожей замерла удивительной красоты девушка. Невысокая и стройная она казалась беззащитной. Пока не открыла рот.

– Я так полагаю, что сейчас начнется самое интересное? – ухмыльнулась блондинка.

– Что вы имеете в виду, молодая леди? – Теоне совершенно не хотелось устанавливать дистанцию с девушкой.

– Вы не просто так сюда пожаловали и явно не являетесь рядовым служащим.

– Почему вы так решили?

– Вас бы списали со счетов из-за возраста.

Теона почувствовала неприятное ощущение от начала разговора, но сдержалась, чтобы не продемонстрировать собственный нрав и не поставить грубиянку на место.

– Воспитывали вас в полной свободе?

– Видимо, да, – Этель попыталась придать лицу ироничный вид, но указание на близких заставило загустеть.

– Жаль.

– Отчего же?

– Вы грубите, а это в первую очередь не красит вас.

– Возможно, вы правы, – голос Этель стал тише.

– Я вас понимаю: вы оказались в тюрьме, а сейчас в неизвестности. Я вам не враг. Пока и другом не можете меня считать, но поверьте, я буду на вашей стороне.

– Вы госпожа Велианд?

– Да, Этель.

– Почему мне оказана такая честь?

– Я пришла за тем, чтобы рассказать то, что вам неизвестно о собственном происхождении. Предлагаю удобно расположиться в библиотеке и немного поговорить, – Теона показала девушке рукой на нужную дверь, и, не дожидаясь, пока та войдет в скромное хранилище разрешенных для чтения книг, проследовала вперед.

Глава 21

На берегу реки получалось исправить рассогласованные энергетические потоки. С каждым годом этот процесс давался с трудом. Поймав себя на мысли о бегущем времени, женщина устало присела на шелковый песок. Все старания удержать внутри себя положительные настроения отступали перед реальностью, грубо указывавшей на то, что не подлежало коррекции. Годы прошли по её внешности, спрятав красоту. Жалела она не об изувеченной морщинами миловидности, а о бессмысленности существования. Профессиональные мечты угробил захватчик. Любовь впала в депрессию из-за нищеты. Брать тайм-аут у неприятной действительности позволяло персональное одиночество, и оно толкало к получению простых удовольствий. Пользуясь летней жарой, Клара отправлялась на берег реки, чтобы насладиться мягкостью песка и касанием прохладной воды. Такие минуты отдыха казались роскошью. За годы правления Велианда недозволительными удовольствиями стали даже те, что полагались человеку по праву пребывания в материальном мире.

Клара зачерпнула в ладонь горсть песка и внимательно проследила, как тот просачивается сквозь пальцы. В голове зародилась идея, похожая на сумасбродство, ведь доступа к библиотеке Кселона не имелось, а прежние знания за столько лет затерлись почти до полнейшего исчезновения. Мысль, показавшаяся спасительной, она решила приберечь, чтобы вернуться к ней, как только возникнет острая необходимость. Или же подходящая.

Река приняла женское тело, чтобы остудить эмоциональный жар и расслабить напряженные мускулы. Клара долго стояла на одном месте. Плавать она так и не научилась. Заходить вглубь хотелось, но желание было робким и ему не хватило сил продвинуть робкую женщину вперед.

Вернувшись домой, она почувствовала напряжение, вырывавшееся через двери.

– Клара, я решительно не понимаю, как ты можешь ничего не делать в такой ситуации? – Кориан имел не просто уставший вид, на его коже отпечаталось многодневное волнение.

– А каких действий ты от меня ждешь? – устало произнесла Клара.

– Как каких? Твоя дочь в тюрьме, а ты развлекаешься, – казалось, что супруг искренне не понимал, как можно уделять внимание себе в условиях дискомфорта, испытываемого кем-то из близких.

– Ух ты, по-твоему искупаться в реке бурная вечеринка? – Клара раздражалась от чрезмерной отцовской преданности Кориана. Он сделал её заложницей материнства. И она старалась не позволять себе думать о собственном комфорте, полагая, что любовь не приемлет самости. От заботы и любви внутри неё формировалась усталость. И без того унылая жизнь стала казаться насмешкой над теми, кто искал хоть какой-то повод её ценить.

– Этель нужно спасать! – муж вырвал её из раздумий.

– Так займись этим вопросом. Кто из нас мужчина? – Кларе надоели упреки супруга, и она стояла в шаге от начала бурного семейного скандала. Между ними редко возникали споры и до конфликтов ситуация не доходила. Последнее время тенденция менялась.

– Я и ломаю голову над тем, как дочь вытащить из беды, а ты... – Кориан запнулся, словно удержался, чтобы не сказать то, что обидит и без того уставшую жену.

– Вот и ломай. Я устала от всего этого. Дай мне хоть немного побыть за мужской спиной, а не впереди мужа, ещё и заботясь о взрослом ребенке, чтобы никто не обвинил меня в недоблестном материнстве.

– Так мать себя не ведет. Точнее так не говорит, – Кориану показалось, что Клара жалеет о том, что стала его женой и матерью их дочери.

– И что? Ей двадцать четыре года. Она умная и смелая девочка. Ей пора проторить собственную дорожку, а не сидеть в крошечной лачуге, чтобы её папочка не волновался.

– Она тебе безразлична, – Кориан швырнул упреком в лицо жены, заметно постаревшее за те дни, что отсутствовала дочь.

– Тебе же лучше знать, что испытывает другой человек. Продолжай дальше ковыряться в чужих мыслях.

– Я один не смогу справиться.

– Естественно. Ничего плохая мать что-нибудь придумает, – Клара сделала жест, означавший, чтобы муж попросту отстал, и прошла в ту часть дома, где была мало-мальски оборудована их спальня. Женщина прилегла на кровать, уступавшую удобством песку, и погрузилась в сон. На сей раз голод пощадил утомленную жизнью женщину и тактично заглох.

Глава 22

Ветер впал в ярость. Его порывы усиливались. Пыль от дорог, лишенных специального покрытия, вздымалась вверх, задерживаясь в порах кожи. Хардиан поправил на лице шейный платок, функция которого после его предыдущего путешествия стала защитной от мелких частичек, норовивших проникнуть в дыхательные пути. Ехать приходилось не спеша, чтобы максимально точно обозначить в блокноте особенности местности. Задержавшись в Кселоне, он проникся идеей эксперимента. Требовалось только отыскать наиболее подходящий фрагмент природного буйства. И им должны были стать каменные изваяния. Причем с соответствующими характеристиками. Упростить задачу могла бы беседа с кселонцами, но поведать о своих планах людям, оставивших его в своем доме он не смел. Основания доверять имелись, но страх пересиливал. К тому же он не был уверен, что вызывает у них ответную реакцию, а потому следовало совершить мало-мальски убедительный поступок для семьи Телли.

Через пару километров он увидел вынырнувший из-за горизонта верхний город. Хардиан увеличил скорость исправно служившей машины, чтобы попасть на прием к ответственному лицу и добиться разрешения на посещение города.

Оставив машину неподалеку от ворот, он направился к пропускному пункту, представлявшего собой отдел безопасности с несколькими этапами проверки, которой подвергались лица, не имевшие в корешке удостоверения личности отметки о позволении пребывания в верхнем городе или же его временном посещении. Хардиана провели в кабинет к начальнику территориальной безопасности. Просторное помещение угнетало. В интерьере отсутствовали элементы, придававшие легкости атмосфере в виде картин, панно, скульптур. Устроившийся за массивным столом худощавый старик удивил Хардиана: пожилые люди в Геопланте не имели право появляться среди социально-активных индивидуумов, дабы не создавать психологический дискомфорт внешними проявлениями старения.

– Располагайтесь, – прозвучал старческий голос.

Послушавшись владельца кабинета, Хардиан присел на дубовый стул, одиноко стоявший посреди пустующей части комнаты.

– Итак, вы желаете попасть в верхний город, – уточнил начальник территориальной безопасности.

– Да, – утвердительно ответил Хардиан, полагая, что простое начало разговора всего лишь предваряет трудности и вероятный отказ в прошении.

– Заполните бланк. Ожидайте ответа.

– Так просто? – Хардиан был удивлен краткости процедуры получения пропуска.

– В течение нескольких месяцев вы получите ответ. Я бы попытался раньше управиться, но имеются первоочередные дела, – старик проигнорировал удивление посетителя.

– Благодарю вас, рассчитываю на положительный ответ.

– Ответ всегда положительный, молодой человек – в верхний город попасть может каждый. Разве что срок пребывания варьирует в пределах времени.

Хардиан уловил не озвученное предупреждение старика и ещё раз поблагодарил его перед тем, как покинуть кабинет. Пройдя в комнату для посетителей, он заполнил форму прошения и покинул пропускной пункт. Дорога обратно заняла больше времени, нарушив правило, гласившее, что домой путь всегда короче.

Он не мог обрадовать Клару предварительным результатом, но и разочаровывать не пришлось бы. А вот себя он обнажал перед проверяющим органом: пребывание человека его профессии в нижнем городе могло запустить процедуру выяснения обстоятельств и разглашение того, что он пытался скрыть. Тяга к приключениям взяла вверх, и Хардиан усмехнулся тому,

как лихо он принялся крушить мир, оставленный позади. Мир, в котором были деньги, уважение, широкие возможности. Из-за последствий эксперимента он утратил для него ценность.

Глава 23

Способность задавать вопросы и тем более негодовать отказала своей обладательнице. Вдавившись в спинку кресла, девушка уставилась в точку, отыскивающуюся на полу. Сидевшая напротив неё пожилая женщина замолчала, давая время юной особе на осмысление услышанного.

– *Argumentum ad ignorantiam*, – произнесла Этель, словно обращалась к кому-то, кого не было видно, но он присутствовал рядом и мог бы услышать её приглушенный голос.

– Не поняла, – Теона слегка напряглась: услышать латынь от представительницы нормалей она не ожидала.

– Довод, рассчитанный на неосведомленность собеседника, – пояснила девушка, переводя с латыни высказывание, пришедшее ей на ум в ситуации, в которой слова подбирались с трудом.

– Этель, я понимаю твои сомнения, но ты можешь спросить у своей бабушки о тайне, которую она хранила долгие годы, – Теона не осуждала недоверчивость девушки и вместе с тем опасалась, что может провалить переговоры, порученные супругом.

– Каким образом, если я здесь заключена? – удивилась Этель и первый раз за все время беседы посмотрела на Теону.

– Согласна. Но ты можешь написать письмо бабушке, и я пошлю к ней своего доверенного человека, который доставит ответ.

– Могу ли я быть уверена, что именно бабушка мне даст ответ?

– Полагаю, что ты отличишь её почерк от чужого.

– Вполне, но есть умельцы, что искусно подделают что-угодно: от картин до слов.

– Задашь ей вопрос в письме, ответ на который знает только она, – Теона чувствовала, что смогла нащупать места в беседе, которые склоняли собеседницу в нужную сторону.

– Хорошо. Только мне потребуется немного времени, чтобы прийти в себя и написать письмо.

– Да, конечно, Этель, я оставляю тебя.

Теона поднялась с кресла и посмотрев на грустную девушку, испытала непреодолимое желание обнять её и помочь вырваться на свободу слезам, но предпочла оставить внучку Филиппа наедине с противоречивыми чувствами.

Глава 24

Самочувствие ухудшалось с каждым днем. Внешне этого не было заметно, что, несомненно, её радовало. Беспокоила только неизвестность относительно внучки. Тот факт, что срок ареста Этель подошел к концу, а она так и не вернулась, давил на нервы. Ноннель поняла, что Гордон разгадал секрет. Что он мог сделать с девочкой, невозможно было предсказать. Возвращение Хардиана, решившего пробраться в верхний город, без каких-либо сведений не облегчало процесс построения догадок. Ноннель знала, что попасть в верхний город он сможет рано или поздно, но вот узнать информацию об Этель вряд ли. Оставалось только послать сообщение внучке и не рассчитывать на ответ, который вероятнее всего никто не удосужится доставить адресатам из нижнего города.

– Мама, тебе нужно поберечь нервы, – Клара зашла в комнату Ноннель и, глядя на неё, испытала волнение.

– Я ещё продержусь – у меня есть цель, – пожилая женщина не желала волновать дочь, – напишу Этель письмо.

– Ты думаешь, ей передадут его? – сомнения Клары были обоснованными.

– Может быть. В любом случае следует попробовать.

Ноннель поднялась с кровати и отправилась к письменному столу, замаскированному под вспомогательный предмет интерьера для бытовых инструментов.

На листке бумаге, представлявшей собой ценность в среде нормалей, Ноннель аккуратным почерком обратилась к Этель, всплывшей перед ней в своем привычном образе сорванца.

«Моя дорогая, *fide, sed cui fidas, vide* (В переводе с латыни: будь бдительным; доверяй, но смотри, кому доверяешь). Надеюсь, ты не усомнишься в моей любви к тебе. Я оберегала тебя. И пускай сейчас ты увидела иную жизнь, но ты не так уж много потеряла. Возможно, ты встретила человека, который покажется спасителем от нищеты. В какой-то мере так оно и есть. Тебе выбирать, девочка, с кем ты пожелаешь остаться. Помни, что любовь и роскошь вовсе не вытекают одно из другого. Напиши нам, своим родным, как ты. Не забывай о доме, где скромно, но тепло».

Привстав, Ноннель почувствовала слабость в коленях. Клара среагировала моментально, подскочив к матери, помогая ей переместить к кровати. Письмо к Этель Клара читать не стала, чтобы не ненароком не вмешаться в диалог бабушки и внучки. Она аккуратно сложила лист бумаги и засунула в конверт. Обмотав его тонкой веревочкой, Клара залила узелок воском. Печати семья не имела, чтобы оставить на воске характерный след.

Бросив взгляд на мать, погрузившуюся в сон из-за слабости, Клара вышла из дома и отправилась к автоматическому ящику сбора обращений. Просунув в отверстие письмо, она почувствовала отчужденность. От Этель. На секунду она ощутила, что дочь теперь не принадлежит ей. Отгоняя страшные предчувствия, Клара поспешила в цех, где в самом разгаре были сезонные работы.

Глава 25

Выполнив просьбу, она ожидала, что будет чувствовать себя восторженно, вместо этого внутри поселилось ощущение, не поддававшееся определению. В ожидании супруга Теона прокручивала состоявшуюся беседу с Этель. Опустошение, вытеснившее смелость в резком взгляде девушки отозвалось укором совести. Теоне не хотелось крушить жизнь внучки человека, к которому она сохранила нежное чувство. Исполняя повеление Гордона, она уничтожила в Этель ребяческую непосредственность, заставив подойти к краю прежней жизни и сорваться в пропасть неизвестности, которую ей готовил венценосный родственник.

– Полагаю, ты справились с задачей, – Гордон без лишних экивоков перешел к сути дела, едва переступил порог кабинета.

– Думаю, что да, вот только результат меня печалит, – призналась Теона.

– Меня не интересует, что ты чувствуешь. Результата ещё не было. Она готова получить новую порцию откровений? – Гордон не смотрел на жену и потому не видел, что на лице женщины, привыкшей к его цинизму, появился ужас. Бесчувственность Гордона поражала даже её.

– Тебе не жаль человека, который ни в чем не виноват?

– Ты полагаешь, что мне нужно пожалеть ту, что я готовлю в свои наместницы? На её месте любой пожелал бы оказаться.

– Кроме наших детей и возможно, ещё с десятков людей, что служат здесь, – Теона не могла не воспользоваться случаем уколоть мужа.

– Да ладно тебе, нашла, кем меня цеплять. На наших детей я вообще никаких надежд не возлагал. Уж не знаю, чья вина: моя или твоя. По моей линии как раз нашелся достойный претендент, – отразил нападение супруги Гордон.

– Наверное, моя генетика лишена гордыни, – Теона попыталась не попасться на выпад мужа.

– Несомненно. А теперь переходим к главному, как она отреагировала на то, что ты ей сказала? – Гордон предпочел и дальше рассматривать интерьер кабинета жены, претерпевший ряд изменений.

Теона не была сторонницей перемен, следовательно, на неё произвело впечатление появление внучки Филиппа. И всего-то за день она успела придать темному помещению светлые тона при помощи масштабных картин. Изображения пустынь не вызвали у Гордона неприятия, как пейзажи и натюрморты, которыми увлекалась супруга. И выбор последних полотен заставил его задуматься. Она определенно испытывала тоску по прошлому.

– Она потухла.

– Ничего, расцветет, когда окунется в роскошь.

– А ты не думаешь, что она будет скучать по родным? Может ей и не надо богатство?

– Она просто не знает, что это такое. А с родными её никто и не разлучает: в любой день она сможет к ним отправиться с визитом.

– Гордон, для тебя семья хоть когда-то имела значение? – Теона предполагала, каким будет ответ и потому не ждала его, а просто высказала вслух свое впечатление об отношении мужа к тому, что для неё было ценным.

– По всей видимости, имеет, и поэтому я стараюсь удержать власть в пределах семьи, а не привлекаю какого-нибудь талантливого управленца из Геопланта.

– Ты так меня и не понял, – улыбнулась Теона и направилась в сторону спальни, надеясь, что он хоть что-то скажет, пускай и в свойственной амбициозной манере, но он просто молчал, погрузившись в собственные размышления, значившие для него много больше, нежели чужие чувства.

Глава 26

Визиту сестры Темиан не поразился. Он ожидал его. Слухи среди членов государственного аппарата распространялись медленнее, чем обычно, но кое-кто из окружения отца успел поделиться новостью.

– Ты не представляешь, что случилось, – Деа расхаживала по спальне брата, невзирая на приличия.

– Вскользь слышал, – Темиан не стал тянуть интригу.

– И что ты думаешь по этому поводу? – голос сестры предательски дрожал.

– Ты сама хотела, чтобы нашелся кто-то подходящий на роль наместника нашего отца. Этот человек отыскался, – Темиан не понимал причины, по которой Деа, совсем недавно просившая его схитрить и позволить ей покинуть Кселон, вдруг стала переживать за судьбу страны.

– Ты не понимаешь, – закричала Деа.

– Поясни, – зевая, попросил Темиан. Его взгляд вперился в окно, за которым устанавливалась прекрасная погода.

– Она наша родственница. Я, правда, не знаю всех деталей. Это означает, что она займет не только место отца, но и наши деньги достанутся ей.

– Не волнуйся. На каждого из нас оформлен траст. До конца жизни хватит.

– Ты недооцениваешь нищенку. Она все заграбастает.

– Ты лично с ней общалась? – Темиан смотрел на раскрасневшееся лицо сестры, и прикидывал, насколько стоящим противником могла оказаться девчонка из нижнего города.

– Не хватало.

– А вот я не прочь познакомиться. Тем более, что мы родственники. Деа, пора бы тебе подумать о приличиях, – намек Темиана касался отношения сестры не только к новому члену семьи, но и к нему тоже.

– Ой, ты такой вредный иногда, что неприятно общаться с тобой.

Деа вышла из комнаты брата, и не став задерживаться на его территории, отправилась к себе, чтобы нервничать и строить догадки о незавидном будущем.

Темиан привел себя в порядок. Неожиданно для самого себя, ему хотелось произвести впечатление на девушку, с которой собирался знакомиться. Он полагал, что отец не будет рад такой инициативе, но спрашивать его позволения значило признать паралич собственной воли.

Глава 27

Под кроной старого дерева думалось легче. Пожилая женщина была права, давая совет, куда отправиться поразмышлять и дать отдых глазам от ужасающей нищеты и её напарницы безнадеги. Легкий ветерок, присутствие которого он не помнил в Геопланте, расслаблял. Если бы он мог прилечь на песке и погрузиться в дрему непременно позволил бы себе это удовольствие, но он был сибаритом и предпочитал засыпать на свежих простынях. Из неги спокойствия его вырвала Клара. Ей яростно хотелось побеседовать с человеком, источавшим энергию положительного восприятия жизни. Она таковой лишилась. Он – не успел. Аккуратно присаживаясь рядом с Хардианом, Клара подумала, что ведет себя нетактично, нарушая его уединение, но он успокоил её раньше, чем она бы решилась озвучить извинения.

– Спасибо, что присоединились, – улыбаясь, сообщил брюнэт, отдавший себя ветру в полное распоряжение.

– Простите, если помешала. Мне хотелось побеседовать, – Клара не умела скрывать намерения и не боялась их озвучивать.

– С удовольствием. Мне и самому хочется с кем-то, хотя нет, с вами поделиться своими впечатлениями.

– Мне это очень приятно. Вы мне как младший брат, и я рада лишний раз побыть рядом с почти, что близким человеком.

– Вы скучаете по дочери, – вопросом сказанное Хардианом не звучало.

– Безусловно. Этель девчонка резкая, порой чрезмерно и её даже пожалеть невозможно. Я не знаю, что с ней. И узнать не представляется возможным, – Клара вздохнула и повернулась в сторону ветра, поддаваясь примеру собеседника. Её испещренные проседью волосы развеивались. Они конфликтовали с ещё молодым лицом, но вполне сочетались со слегка обрюзгшей фигурой.

– Это же хорошо, что она сильная. Я жду получение пропуска, чтобы попасть в верхний город и попытаться хоть что-то прояснить. А пока следует набраться терпения и ждать.

– Почему-то мне верится, что с ней все будет хорошо.

– Вы что-то от меня скрываете?

– Немного недоговариваю, – Клара усмехнулась проницательности собеседника, не став врать, но не давая намека на желание обнажить правду.

– Не буду вас забрасывать вопросами. Пока. Если ситуация потребует уточнений, мне придется от вас их получить.

– В вас проснулся юрист.

– Как сказать, – ему становилось не по себе от необходимости продолжать лгать. – И, наверное, это лучше, иначе мне невыносимо терпеть ужас, в котором вы живете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.